

К С (496)

X 98

5575-10.

ПЕДЕР
ХУЗАНГАЙ

СУДЬБА

k-005575

M 5575-k

ПЕДЕР ХУЗАНГАЙ

К С(ЧУВ)
Х98

СУДЬБА

СТИХИ И ПОЭМА

Перевод с чувашского

С(Чув)
Х98

Составители

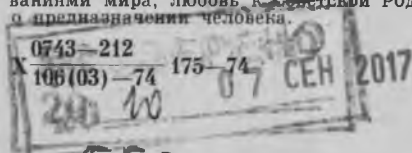
М. Ильбек и А. Хузангай

Хузангай Педер.

Х98 Судьба. Стихи и поэма. Пер. с чув. М.,
«Современник», 1974.

269 с. с 7 илл.; с портр. (Библиотека поэзии
«Россия»).

Педер Хузангай — народный поэт Чувашии. Глав-
ная тема его поэзии — судьба чувашского народа в
ее единстве с великими революционными преобразо-
ваниями мира, любовь к Советской Родине, раздумья
о предназначении человека.

С(Чув)

М 5575 - К

© Чувашская республиканская
ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВРЕМЕННИК», 1974 г.
им. М. Горького

СЛОВО О ПОЭТЕ

Широко распахивается дверь, в дом входит человек среднего роста, плечистый, плотный и громко заявляет: «Ман килес!» — что в переводе с чувашского означает: «Я пришел!»

Это Хузангай, чувашский народный поэт. Он с дороги. Не то из Москвы, не то из Ташкента, не то из Софии. На лице его следы дорожной усталости. Однако через минуту Хузангай буквально преображается. Он уже весел и бодр, как всегда. За чашкой чая или кофе он горячо и увлекательно рассказывает о том, где бывал, с кем встречался, и, конечно же, читает свои новые, только что написанные стихи, без которых не мог жить ни дня, ни ночи. Где бы он ни был — в дороге или на небольших стоянках, в гостях у друзей или в номерах гостиниц — его перо всегда было отточено. Один яркий всплеск поэтической мысли — и уже подбирались острые звучные рифмы, свежие метафоры, лились строчка за строчкой его философских раздумий, глубоких лирических пауз, и можно было только дивиться его неиссякаемому вдохновению.

Таким был Педер Хузангай, таким он и останется навсегда в нашем сознании. Человек исключительного трудолюбия, строжайшей самодисциплины, редкой природной одаренности, посвятивший всю свою жизнь подъему духовной и поэтической культуры родного народа.

Смею утверждать, нет такого дома в Чувашии, нет ни одной чувашской семьи по всей советской стране, где не знали бы Педера Хузангая. Дело не просто в исключительной популярности его творчества, в подкупающей лиричности чувств и чаяний, отраженных в его многочисленных стихах и поэмах. В сознание каждого грамотного чуваша — а грамотны у нас все, кроме малолетних детишек, — он вошел как йырав,

как торжественный набат, призывающий строить и укреплять новую жизнь, отдать всего себя верному служению идеям и делам партии Ленина.

Петр Петрович Хузангай родился 22 января 1907 года в бедной крестьянской семье в селе с поэтическим названием Сиктерме (что значит колыбель) в нынешнем Юхмачинском районе Татарской АССР. Население Сиктерме составляли не только чуваша, там жили и русские, и татары, как это нередко можно было наблюдать во многих поселениях бывшей Казанской губернии.

Сиктерме находилось вдали от Волги и железной дороги, но по сравнению со многими другими чувашскими селами, его не назовешь захолустным уголком, ибо здесь еще сто лет тому назад известным чувашским просветителем И. Я. Яковлевым была открыта двухклассная школа. В земской больнице, лесничестве, на агрономическом участке работала группа сельской интеллигенции, среди которой были люди видевшие свое призвание в служении народу. В первые же годы Советской власти стал работать Народный дом, где устраивали самодеятельные концерты, ставили спектакли на чувашском и русском языках, читали доклады и лекции. Юноша Хузангай принимал самое живейшее участие в работе Народного дома.

Педер с детских лет познакомился с поэтическим миром народного творчества и полюбил его навсегда. Романтические сказки, волшебные легенды, мудрые притчи, что рассказывали детям старики в долгие зимние вечера, песни молодежи за околицей, веселые такмаки-частушки, состязания музыкантов — все это глубоко вошло в душу пытливого мальчика.

Равно научившись читать, он читал и перечитывал замечательную поэму основоположника чувашской поэзии К. В. Иванова «Нарспи». Увлеченный необыкновенно привлекательной музыкой родного слова, мальчик не находил себе покоя. Перед ним открылась тайна чудодейственной силы родной поэзии. «В моей душе произошел настоящий переворот, — вспоминал впоследствии П. Хузангай, — в голове сами собой стали складываться стихотворные строки».

Мне вспоминается издание небольшой по объему, но отличающейся необыкновенным богатством колорита, книги «Песен Тилли». Педер писал эти песни еще в двадцатые годы, но не отдавал их в печать. Их,

по словам самого поэта, распевал его прадед Тилли. Они и в самом деле кажутся чем-то знакомыми с детства. Сложенные народом песни передавались из уст в уста, от поколения к поколению. Они сопровождали детей с колыбели. Песня была второй духовной матерью в пору детства и отрочества, была удивительно доброй и щедрой воспитательницей в потном труде и жизни, всегда призывавшей быть честным, прямодушным, совестливым и трудолюбивым. Она учила дорожить духом молодости. Зрелый Хузангай взял основу из этих песен народа, отточил их своим незаурядным поэтическим талантом, как опытный мастер обтачивает драгоценный камень, и вернул их своему народу.

Еще молода была чувашская советская литература, но Хузангай уже мог знакомиться с опытом своих предшественников — с поэтом-революционером, начинателем и новатором чувашской советской поэзии Михаилом Сеспелем, со старшими товарищами по перу Семеном Эльгером, Николаем Шубоссини, Николаем Шелеби. Все они оказали большое влияние на рост поэтического мастерства молодого поэта.

Педер Хузангай в эти годы так же тщательно изучает творчество А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, С. А. Есенина, В. В. Маяковского. Они были ему особенно дороги, он не мог не поделиться со своим народом духовным богатством русской литературы и вложил много времени и сил в перевод этих поэтов на чувашский язык. Не удивительно, что до конца жизни Хузангай знал и наизусть помнил всего «Евгения Онегина». Он перевел на чувашский язык почти все произведения А. С. Пушкина.

Большая школа жизни, которую прошел Хузангай, явилась неиссякаемым кладом его творчества. Работая разъездным корреспондентом чувашской газеты «Коммунар», Педер Хузангай был в самых напряженных точках первых пятилеток, и его голос в поэтической рубрике звучал гимном торжества свободного труда. Великую Отечественную войну он встретил солдатом. Дымные дороги войны оставили свой неизгладимый след в сердце поэта. Рядовой Педер Хузангай дрался под Сталинградом, с оружием в руках освободителей он шел по истерзанной Польше, был тяжело ранен в бою под Вислой и в родную Чувашию вернулся после Победы только в июне 1945 года. Хузангай

писал свои стихи во время коротких передышек под мигающий свет коптилок в землянках, в окопах, прибив клочок бумаги на прикладе автомата, еще не успевшего остыть от только что затихшего боя. До конца своей жизни он чувствовал себя солдатом, и его солдатская память неустанно возвращала поэта к тем дням, которые вошли в его кровь и плоть:

Война вошла мне в кровь и плоть,
Ее не вытравить годами.
Пусть сердце превратится в камень —
Осколка не перемолоть.
Но вдохновение, любовь,
Бессмертье песни — все отдам я,
Чтоб только не слышать вновь
Мужского страшного рыданья.

Поэтический диапазон П. Хузангая весьма широк. Можно вспомнить циклы стихов о России, Украине, Белоруссии, Латвии, Грузии, Болгарии, Кубе, Чехословакии или Польше — в сущности, это его биография и подвижнический труд большого поэта. Он был тесно связан с болгарскими друзьями, виднейшими писателями, произведения которых он перевел на чувашский язык. Он в совершенстве владел болгарским языком и вел обширную переписку с болгарскими учеными, историками, лингвистами, художниками. Он переводил на русский язык свои стихи и стихи собратьев по перу, писал стихи по-татарски, хорошо знал язык башкир, изучал грузинский и, уже имея некоторый опыт, переводил с оригинала стихи Георгия Леонидзе.

Жестокая болезнь оборвала его кипучую жизнь. Петр Петрович Хузангай скончался 4 марта 1970 года. Но настоящий поэт не умирает. Он живет среди живущих на земле своим творческим подвигом. Народ наш вечно ему благодарен за его звучную лиру, за его сердце и душу, за щедрость, с которой он отдавал всего себя ежечасно, не зная отдыха, не ощущая усталости.

Его гражданская и философская лирика — яркий пример служения родному советскому народу.

Книга Педера Хузангая «Судьба» найдет своего благодарного читателя. Народный чувашский поэт раскроет дверь и, входя к читателю в дом, громко произнесет: «Ман килес!» (Я пришел!)

М. Ильбек

I

ДУБ НАД ВОЛГОЙ

Старый дуб — наш батюшка...
Чувашская народная песня

Над Волгою, на берегу крутом,
Я видел дуб с вершиной опаленной:
Знать, не однажды молнию и гром
Встречал старик, как ратник закаленный.

Широколиственной, могучей кроной
Еще с любым поспорит он врагом.
Об этом слышен говор оживленный
Сынов-дубков, теснящихся кругом.

Не так ли ты, народ мой, врос корнями
В родную землю? Не страшны тебе
В большой семье ни грохот гроз, ни пламя.

Во мне — все от тебя: и страсть к борьбе.
И радость, и тревога, и покой...
Дуб-батюшка! Я — желудь твой.

ЧУВАШ

Я очень, очень стар! Истории заря
Едва лишь занялась — я вспрынул ото сна;
Под небом голубым — без бога, без царя —
На поле зашагал: меня звала весна.

Над залежью веков, усердием горя,
Сгибался долго я. Взрыхлилась целина.
К пришельцу позднему была добрей она:
Мой деревянный плуг прошелся там не зря.

Где путь мой не пролег? Запомнил я навек
Палящий зной пустынь и вечный горный снег.
Рычанье львов в ночи, кораллы в теплом море.

Пусть твердо знает мир: с природой
В вечном споре
Я создал, как и все, богатство, красоту;
Творцом всеобщих благ себя по праву чту.

РОД

Живем среди татар в ладу и мире.
Два языка мы знаем, третий — наш,
Но помним все об Улып-батыре.
Ну, разве я не истинный чуваш?

Когда-то, в незапамятные годы,
Наш Улып, пробираясь на восток,
Прервал здесь путь, присел на пень-колоду
Да из лаптей повытряхнул песок.

Ушел батыр — остались два кургана.
Обжили наши предки этот край.
Кивьял — они название дали стану,
Где был главою рода Питтабай.

Дочерям дал Питтабай
В ожерелья жемчуга,
Сыновьям дал Питтабай
По два мягких сапога,
Ходят снохи Питтабая,
Серебром монист сверкая...

Так в деревнях, что вышли из Кивьяла,
Во всех семи певалось в оны дни.
Но всем известно: с выдумкой мешала
Любая песня правду искони.

От друга самого Иван-Хаяра¹
Идет род Питтабая, говорят,

¹ Х а я р — грозный. Иван-Хаяр — Иван Грозный (чув.).

И дедовскую грамоту недаром
Хранил он, не сгибая, говорят.

Мол, грамотой был жалован и сам он.
Наш мудрый пращур, старый Питтабай.
Ее прислал к нам Алексей Романов,
Она цела еще и ныне, знай!

Когда соседи спорить об угодьях
Вдруг начинали с дедами, те шли
За грамотой, хранимой старшим в роде
В ларце, что пуще глаза берегли.

Та грамота, ее видал я, кстати, —
Была монаршей милости полна:
«Орех да мед сбирати, хмель щипати
Да лыко драти» нам в лесах она

Давала волю. Благо лес в округе —
Ни обойти пешком, ни обскакать.
Из чащи сам медведь бежал в испуге:
Слепней его одолевала рать.

Но жил наш род. Леса мы корчевали.
Растили просо, полбу да ячмень,
И древо рода, что взросло в Кивьяле,
Дало сучки — семь новых деревень.

СЕМЬ ЯЛОВ¹

Говорят в округе нашей,
Что, когда по ней скакал
На лихом коне чувашин,
Встречный русский закричал:

«Обронил ты шапку где-то,
Заворачивай конька!»
Вырос ял на месте этом,
И назвался он — Шапка.

А сельцо, где вдруг кобыла
Испугалася куста,
Здесь Пугающим прослыло,
По-чувашски — Хурада.

Уступать, давать дорогу —
Смысл названия Пырнай.
Расселялся понемногу
Род, где правил Питтабай.

Хуладу, по-русски — город,
Назван был четвертый ял.
Видно, некогда дозором
Кремль чувашский здесь стоял.

Неразлучны, как две лыжни
Или, скажем, два весла,
Питтабали Верхний с Нижним —
Два соседние села.

¹ Я л — чувашская деревня.

А седьмое, где весною
Цвет черемух — как метель,
Сиктерме мое родное,
А по-русски — колыбель.

СИКТЕРМЕ

Сиктерме мое! Немало
В колыбели и лесов
И лугов меня качало,
Я всегда твой слышу зов.

Здесь и радость, и печали,
И тревоги бытия
Мне впервые прозвучали
В струях малого ручья.

Здесь надежда засветилась
Первой робкою звездой.
Здесь я понял: жизни милость
Обернется и бедой.

Понял я: коль не тугая
У крестьянина мошна,
Хватка, стало быть, другая
На земле ему нужна.

А у нас кисет водился,
В нем кресало, да кремень,
Да махорка... Трут дымился....
Знай, кури хоть целый день.

Я бываю в дальних странах,
Где огни реклам — в упор,
Но милей мне, как ни странно,
Дым от трута до сих пор.

М 5575 - К 17
2 П. Хузангай

Чувашская республиканская
библиотека
им. М. Горького

**Годы гнут меня упорно,
Сердцу — все еще тепло
От твоей землицы черной,
Сиктерме, мое село!**

ВЯЗ

Проходя по улице знакомой,
Я гляжу с волнением каждый раз
На растущий перед новым домом
Необычно одинокий вяз.

Здесь была дорога. Рощей целой
Разрослись деревья по бокам.
Вот одно из них и уцелело,
И стоит нетронутым пока.

Покрывал асфальтом тротуары
Тут, наверно, добрый человек:
Пощадил он вяз, еще не старый,
И продлил его зеленый век.

Оградил он четырьмя досками
Сизый комель с четырех сторон:
Вязу ведь земля нужна, не камень,
Ливням теплым радуется он.

Кто же позаботился о вязе?
Как его зовут? — Не знаю я.
Хочется благодарить, да разве
До него дойдет строка моя?

Может, нет давно его на свете,
Может, в дальнем он живет краю.
Все равно ему здесь шепчут ветви
Нежную признательность свою.

**...Люди смертны. Сохнут и деревья.
Срок настанет — свалится и вяз.
Пусть хотя б в моем стихотвореньи
Доживет, потомки, он до вас...**

РОДНОЙ ЯЗЫК

В век радио и атомных открытий
Хотел бы я дожить до дней, когда
И языков связующие нити
Сплотят в одну семью людей труда.

Хотел бы я, чтоб речи доходили
Мыслителей, поэтов и вождей
В их первозданной красоте и силе,
Как свет лучей, шум ветра и дождей.

А что меня с землей, с травой зеленой,
С высоким небом, с клетотом орла
Знакомило, баюкая с пеленок? —
Родная речь наставницей была.

Всегда, везде — в кругу привычном дома
Иль далеко от наших рубежей —
Я благодарен языку родному:
Он мне открыл мир мыслей и вещей.

...Вновь я посетил...

А. Пушкин

Смотрю я вновь на землю, где родился,
 Где ветлы старые трепещут в небе
 Своей тревожной, изжелта-зеленой,
 Еще неяркой, но густой листвою.
 Ветла! На наш народ она похожа.
 Воткни ты в землю сломанную ветку —
 Она растет, пуская тут же корни.
 Вот так и мы на берег луговой
 Прохладной Камы, в ту страну, что люди
 Назвали вслед за русскими Сакам, —
 В Закамье наше, лет, пожалуй, триста
 Тому назад, пришли. Мы оторвались
 От племени родного, словно ветка
 Ветлы зеленой. Тут воткнулись в землю,
 Пустили корни, стали разрастаться...
 Мои односельчане! Земляки!
 Мы никому еще не позволяли
 Нам на ноги в дороге наступать.
 В воде не тонем, не горим в огне!
 Настойчивый народ густых кровей!
 Скажи, где только не скитался ты,
 Где не пытался счастья добывать?
 Откуда здесь не получают письма?
 Но пишем все к родным мы по-чувашски.
 Давным-давно в лесу дремучем здешнем
 Наш род неистребимый поселился:

Рубил дубы, пни корчевал с трудом,
Из чащи выходил на луговины.
Все так же люди складывали песни
О плуге-друге, о коне-кормильце,
Как в старину о сошке деревянной;
Все так же разрастались ветки рода;
Все так же берегли мы древний, звучный,
Богатый, терпеливый наш язык.

Пошел я вдаль по берегу Инчи...
Спрессованный последний черный снег
Лежит еще, тается по оврагам,
Ольха еще гола, а ива — в почках.
Трава едва пробилась на лужайке.
Прохладен ветер. Все же на полянке
Белеет, розовеет медуница —
Родной природы скромная краса.
Впиваются в цветы лесные пчелы,
И снова песня «Пчелка золотая»,
Стесня сердце сладостным волненьем,
Звенит, звенит из юности моей...

Когда-то здесь, едва в лесу теплело,
В мои глаза смотрели незабудки —
Весны могучей хрупкие цветы.
Вот и теперь виднеются они,
Невинные и чистые, как прежде,
Но, кажется, я ими не замечен...
А где вы, что взглянули на меня
Впервые, в пору юности зеленой,
Когда сердца цветами раскрывались,
Вы, синие, бездонные глаза?

То, удивленные, в упор и долго
Глядели вы с упреком молчаливым...
Ужели вас я больше не увижу?
Пускай! Какие вы теперь — я знаю:
Спокойный свет и умные морщинки,
Давно уже устали удивляться,

Нет робости. Но любите все так же,
Глаза любимой, ясные глаза!

За речкой, где стучит негромко трактор,
Во всю поет полей родимых птаха —
Неугомонный жаворонок ранний.
Высоко поднимается, высоко
И вдруг, ныряя в голубом просторе,
Слетает вниз. А вон его товарищ
Поднялся, набирая высоту;
И у него свой мир, свои восторги.
Подруга жаворонка на земле
В гнезде сидит на пестрых яйцах тихо;
Едва касаясь, нежно, осторожно
Пощупает их лапками порою:
Все дома, — больше ничего не надо!
Но слышит песню милого она
И различает беспокойный голос
Среди большого хора голосов.
Как сотни гусель, голоса звенят,
Весь день звенят, взлетая выше, выше:
Рожденье жизни, небо, землю славят
Неутомимые певцы полей.

В черемушник вхожу я. Поредел
Ребячий мир. Когда-то мы, босые,
Гуськом сюда вбегали. Забирались
По сучьям на вершины, извиваясь,
Раскачиваясь, словно обезьяны;
И ели мы черемуху, жевали,
Пока язык во рту не цепенел;
И часто оставляли на деревьях
Своих рубах порхающие клочья.
Казались нам хвостами черных кошек
Сверкающие налитые кисти...
Стволы черемух старых поседели,
Засохли кое-где макушки. Ветви
Иными стали — в переломах, ранах.

Но вижу я — растут вокруг деревьев,
Вокруг засохших, обомшелых пней, —
Везде растут, друг друга обгоняя,
Коричневые, с крапинкою серой,
Прямые торопливые ростки.
Растут они семьею неделимой,
Не вытесняя никогда друг друга,
А дружно собираясь в куст единый;
Растут в борьбе настойчивой, питаюсь
Лучами солнца, соками земли.
Проходишь мимо них и ясно видишь,
Как мысли обновителей природы,
Хозяев замечательной земли,
Сама природа подтверждает властно
И превращает в истину для всех.
Синьзе! Так лес называли «Тонким лесом».
Глядишь — стволы руками не обнять;
Иные порубили на делянке,
Поставили, наверно, избы в селах,
А лес по-прежнему зовут Синьзе.
На вырубке, на солнечной поляне,
Теперь шумит орешник молодой.
Сказал я про себя:
«Не гнись, орешник!» —
Припомнив песню радостную нашу,
И выбрал ствол покрепче, постройней,
Рукой нащупал корень розоватый,
Изогнутый и вырезал ножом,
Очистив от росточков, от земли.
В моей руке, как скромный дар Отчизны.
Надежный, пахнущий орехом посох.
Прости меня, неутомимый сторож, —
Лесник с двустволкой, с кожаной сумкой,
В болотных порыжелых сапогах,
С веселыми глазами следопыта!
Прости меня ты, добрый человек!

Далек еще мой путь, и впереди
Лежит работа бесконечным полем.
Я жить хочу под нашим небом синим,
Как никогда, все дольше, все полней!
Я жить хочу за всех моих собратьев,
Кто до меня под ношею тяжелой
Горьмя-горел всем юношеским жаром,
Чтоб путь открыть родному языку,
Чтоб силу нашей речи обрести.
За них хочу я в слове воплотить
Их смелые, высокие мечты,
Что оборвались слишком-слишком рано!
За всех, за всех, мне кажется, я должен
Держать ответ перед моим народом!
Предчувствуя, что дела не закончу,
Тревожно, учащенно бьется сердце,
Вот-вот рванется, выпорхнет...
Мне душно,
В глазах темнеет... Если это солнце,
И луг, и лес исчезнут с глаз навеки, —
Вы, молодые, в край придя родимый,
Найдите давнюю мою тропинку!
Узнав мой верный посох, поднимите,
Не дайте сгнить ему в земле сырой;
В руках сжимая, словно эстафету,
Передавайте вы его друг другу,
С тропинки выходите на большак!
На солнце глядя, прямо вдаль шагайте!
И солнце в небе синем, и поля,
И рощи, и дороги травяные
Меня, тревожного, влекли всегда.
Так пусть и вас они влекут все так же —
И в ясный день и в хмурь неотразимо!
Когда вы сядете с друзьями вместе
Передохнуть немного, покурить, —
Быть может, обо мне заговорите.

**«Старик скитальцем был неисправимым!» —
Друг с другом вы пошутите беззлобно,
Пусть эта шутка вам прибавит силы!**

**Спасибо, тихий многотравный луг, —
Учил меня ты с малых лет раздумью.
Спасибо, речка быстрая Инча,
С водой все так же сладкой, как щербет!
Благодарю тебя, родимый край,
За дни, когда я пахарем, жнецом
С людьми работал добрыми; за ночи,
Когда сидел я не смыкая глаз,
Искал во мгле, на ощупь, силу слова!
За думы все, что птицами поднялись
Со дна бывшего мира суеверий
К вершине человечности, где властно
Сияет разум! За большое счастье!
За первый шаг, который сделал я,
Ступив на эту землю босиком,
За первый дар — ломоть ржаного хлеба,
Посыпанный зернистой крупной солью;
За первое за памятное слово,
Которое я произнес когда-то
На языке родителей моих —
За все, за все тебя благодарю!**

Нет! Никогда не примирюсь,
Что будет больше не со мною
Сосна и дятел, муравьи,
И под листвою прелой груздь,
И тихий еж, и все земное,
Вся тварь как спутники мои!

Не видеть Волги, где я рос,
Костров рыбачьих, лодок, чаек
И не услышать нашу песнь?..
Неважно, что решен вопрос:
«Быть иль не быть», — я быть желаю,
И, если можно, только здесь!

ШУБАШКАР¹

Что-то древнее есть в этом слове:
Шубашкар — кар шубаш — град чуваш...
Мне вскрывать слов значенья не внове,
Как язык не запрягал их наш.

Шубашкар. Мне тепло с ним, как дома.
Каждый слог — обжитой уголок.
Да и может ли быть по-другому,
Если здесь наш родной огонек?

Шубашкар. В нем не звон, и не щебет,
И не взрыв слышу я, не удар —
Словно кто-то заветное шепчет
Доверительно мне: Шу-баш-кар...

И не надо нам громкими быть,
Чтоб друг друга понять и любить.

¹ Ш у б а ш к а р — Чебоксары.

БЫЛИ МЫ, И ЕСТЬ, И БУДЕМ!

Век за веком, вдаль шагнувшим,
Тащит мудрости багаж.
Ищут книжники в минувшем
Древний, трудный путь чуваш.
Смотрим пристально вперед
И о прошлом нашем судим.
Мысль мне силы придает:
Были мы, и есть, и будем!

Человечество поэты
С лесом сравнивали — что же! —
Лес разнообразен этот,
Оттого он и хорош.
Думали о нас враги:
«Выкорчем, свалим, срубим!»
Только руки коротки:
Были мы, и есть, и будем!

Неприязи не питали
Мы к соседям в старину,
Но по-своему назвали
Солнце, звезды и луну.
Ясен, словно свет в ночи,
Ум, присущий нашим людям.
И сердцами горячи,
Были мы, и есть, и будем!

Сей, выносливое слово,
В душах гордость — но не спесь!

Сквозь века пройти дано вам,
Чудо-вышивка и песнь!
С этой верой на земле
Самый долгий путь не труден.
В вере сила — как в крыле...
Были мы, и есть, и будем!

«Бедноват язык наш», — бросит,
Сморщив нос, иной чуваш.
Пусть презренье наше сносит
Верхогляд за эту блажь.
Жалок нищий дух таких.
Что ж тогда волнует грудь им?
Пусть сердца прожжет им стих:
Были мы, и есть, и будем!

На большом пути преграды
Одолев в труде, в борьбе,
Сам себе народ награда,
Сам и памятник себе.
Помня время бед и слез,
С клятвой землю поцелуем:
В зной, и в слякоть, и в мороз
Были мы, и есть, и будем!

ГЛАЗ ВОЛГИ

Стоят леса в серебряном уборе,
И толщиной в аршин зеленый лед
Уже сковал течение волжских вод.
Хоть яростна зима в своем напоре,
Но полынья на ледяном просторе
Кругла, светла всю зиму напролет.
Она стихию победила в споре.
«Глаз Волги» — так прозвал ее народ.

Неистовствует стужа, иней блещет,
Но, льдом не покрываясь, полынья
Все медленно колышется и плещет...

Проходят годы, но желал бы я,
Чтоб, не одевшись льдом ни на мгновенье,
Всю жизнь плескалось в сердце вдохновенье.

МЫ — РОССИЯНЕ

Пусть не русская кровь в нас течет,
Пусть в глазах не лазури сиянье,
Но Россия — наш дом и оплот:
Мы — четыреста лет россияне!

СЧАСТЬЕ СВОБОДНОГО ТРУДА

...Я желаю Вам, вашим литераторам и каждому из народа Чувашии глубоко, на всю жизнь почувствовать великое счастье свободного труда и творчества.

М. Горький

(Из письма чувашской журналистке)

1

Свободный труд... Да полно, мы ли это?
Ярмом, проклятьем черным был нам труд.
На узкой полосе, не видя света,
Кротами рылись мы... До счастья ль тут!

Межа разъединила наши души,
Земля нам злою мачехой была.
Побьет ли градом хлеб иль зной засушит —
Всегда нам угрожала кабала.

Батрачили и шли мы в лесорубы,
Чтоб мог «король дубрав» Ехрем-хузя
Сплавлять по Волге доски, клепку, срубы,
На спины наши тяжести груза.

Когда, вконец измучась, обессилев,
Мы падали на пашнях и в лесах,
Лишь ветры стоны наши уносили
В холодные, чужие небеса.

И «бог церковный» и чувашский Пюлех
Внимали только звону серебра.
Попы, жрецы последнее тянули
Из нищенского нашего «добра».

А мы, свои растягивая связки,
Ладони в кровь стирая, дотемна
За пять копеек, на харчах хозяйских
Цепами молотили средь гумна.

На Волгу, на базар бурлацкий шли мы
С раскрашенными ложками на лбах.
Тот знак читался так идущим мимо:
«Корми — и будешь ты иметь раба...»

Мы крючниками шли толпой на баржи,
Мы за бесценок разгружали соль,
Спускались в шахты... И везде на страже
Стояли голод, холод, хворь и боль...

Свободный труд! Да, только тот и может
Почувствовать величье этих слов,
Кто на своих костях узнал и коже,
Как труженику было тяжело.

Благословенна память о великом
Работнике Отчизны навсегда:
Он руку дал вчерашним «безъязыким»,
Вселяя веру в торжество труда.

2

Межа! Она разъединяла вечно
Сердца, умы, народы, языки.
Покончили мы с ней — и бесконечной
Энергии открылись родники.

Мы поднялись, свободные навеки,
Хозяева и мастера земли.
Труд делом чести стал для человека,
В нем мы впервые счастье обрели.

Мы, знавшие нагайки, да кутузки,
Да вечный страх перед рабочим днем,
Ведомые рабочим классом русским,
Воспрянули и сердцем и умом.

Дрожали пред кокардой мы любовью,
Страшились слов «полиция», «Сибирь».
А ныне сами правим мы судьбою,
Неизмерима нашей жизни ширь.

Столетиями ждали мы ответа
На крик души, терзаемой в тисках.
А ныне — мы в любом труде — поэты,
Мечта веков доступна нам, близка.

Не смели громко петь мы — только горе
Выплакивал ночами хоровод.
А нынче мы — в едином братском хоре,
И полным голосом запел народ.

Все лучшее, что крепло в нас веками,
Дорогу пробивает: так поток
В конце концов продалбливает камень,
Стирает скалы грозные в песок.

Наш путь — вперед! Такая всюду жажда
Познания, созидания у нас,
Что кажется: задумает — и каждый
Создаст неповторимое сейчас.

Освобожденный труд, штурмуя небо,
Освободил и разум наш навек.
Никто и никогда так счастлив не был,
Как счастлив наш советский человек.

ЗДРАВСТВУЙ, ПУШКИН!

...К нам навстречу плыла виселица, утвержденная на плоту, — три тела висели на перекладине...
Полная луна озаряла обезображенные лица несчастных. Один из них был старый чуваш.

А. Пушкин

1

В тот год на нас впервые это слово
Нахлынуло, как Волги вешний вал:
По селам края моего родного
С «Онегиным» тогда я разъезжал.

...Еще в осенних кочках первопуток.
Бежит поземка, запахнув азиям:
То под такси сворачивает круто,
То мелким бесом кружит там и сям.

Колдует, дразнит, всюду послевая,
К стеклу с разбега прилипает вдруг.
А ветер чью-то песню допевает
И колокольчика доносит звук.

Там где-то, по сугробам темной жизни,
Кибитка одинокая летит.
Седок печальный — пленником в Отчизне,
И нет конца колдобинам пути.

Один, один... Покажется и сбруя
Жандармским аксельбантом на коне.

Берез верхушки, небо полосуюя,
Свистят, как розги, в звонкой вышине.

На звезды он уставился с тоскою:
Раскинулся в безбрежье Млечный Путь...
Да, счастья нет! Но воли, но покоя...
Попробуй вслух хоть раз о них вздохнуть!

Булгарин, царь, тупая чернь в ливрее...
Сверкал белками он, сжав крепко рот.
Медвежья шуба греет и не греет,
На бакенбардах — инея налет.

Все тот же колокольчик однозвучный,
Щемящие напевы ямщика.
Полозьев скрип, да фырк коней докучный,
Да версты полосатые... Тоска!

2

Трехдневный месяц рыбкой золотою
Ныряет в редких тучах над леском:
То вдруг блеснет, как в сказке, головою,
То вдруг обиженно плеснет хвостом.

А где возок? Мой удивлен водитель.
Я с ним сам-друг. И больше никого?
Нет: с нами третий, не набором литер —
Живым и близким чувствую его.

Теснее, Пушкин! Мягкое сиденье
Удобно ли? Тепло ль тебе, поэт?
Позволь поведать о любви, что бденье
И сон мой заполняла много лет.

Давно все это было... Я к забавам
Был равнодушен, на слова был скуп...
Ко мне впервые отроком курчавым
Вошел ты сквозь лучинную тоску.

Осенними ночами долго, молча,
Облокотясь, сидели мы в тиши.
Я чувствовал, как с болью в эти ночи
Прорезывались крылья у души.

В твоих кудрях, как повилика, цепких,
В глазах, тревожно устремленных вдаль,
В губах — еще надутых, полудетских —
Иная открывалась мне печаль.

И раздвигалась тесная каморка:
Дождь, странником стучащий за стеной,
Подкидыш-ветер, плачущий так горько, —
Все обретало смысл иной...

3

Прошли года. И нету больше детства.
Зари туман развеян голубой.
Я вдруг прозрел. Отдернулась завеса:
Огромный мир предстал передо мной.

Я шел с открытою душой поэта,
Не склонный угождать слепой судьбе,
И бремя нес вопросов без ответа,
Как подмастерье мастеру, тебе.

Я понял: жизнь не праздник, — не пристало
Беспечной песней каждый день встречать.
И в поэтический бокал немало
Пришлось воды мне трезвой подмешать.

Долг рос. Не выплатил народу дань я.
Не дело возвращаться с полпути.
Опять сомнения. Опять исканья.
Опять в ученики к тебе идти.

И вот я толмачом твоим¹; Татьяна
Смутила музу скромную мою.
Молчала муза и, ревнуя рьяно,
Косилась, низко опустив тухью².

Но, любознательная по природе,
Она вникала чутко в разговор —
И «полурусской» прослыла в народе
Подруга черноокая с тех пор.

Что ж! Пусть во мне потоков двух слиянье
Вскипает благотворною волной.
Не гордый внук славян, но — россиянин —
Хочу я русский знать, как свой родной...

Да, долго я беседовал с тобою
И, в каждом звуке точный смысл ища,
Хотел добыть его ценой любовью,
Но до чего сума моя нища!

Благодарю тебя за муки слова.
Какая страсть овладевала мной,
Когда я добирался до родного
В иных созвучиях души иной!

О миг неповторимый просветленья,
Когда, волнуясь, радуясь, скорбя,
Я пионером в дебрях вдохновенья,
Я словотворцем чувствовал себя!

¹ Автор перевел на чувашский язык «Евгения Онегина», «Полтаву» и много лирических стихотворений Пушкина.

² Тухья — девичий головной убор (чув.).

Дороги наши — точно ямб проворный,
 Летит наш огнеглазый аргамак.
 Снега, снега... и вдруг — на белом
черный —
 Кондовый лес открылся на холмах.

Стоят дубы, что знали Пугачева,
 Что в памяти клич Разина хранят;
 Стоят, шумят по-зимнему сурово,
 Но о весне привольной говорят.

Ты видел их: разросшись в три обхвата,
 Вознесся над кряжами старожил.
 Переживет меня он, как когда-то
 Тебя и бурный век твой пережил.

Но нам ли быть в рабах у жизни тленной,
 Зависящей от фазы звезд и лун?
 И ты, как вызов правилам вселенной,
 Бушуешь всенародно, вечно юн.

Лети машина, будоража сердце,
 Врезайся с ходу в светлые века!
 Но здесь... позволим мы откинуть дверцу:
 Нас ждет очаг, — передохнем слегка...

Смотри, нет больше перекатной голи
 И каждый новый шаг осмыслен наш.
 По Волге плыл, качаясь под глаголем,
 В крови тонул, но выжил — жив чуваш.

С широким сердцем он тебя сегодня
 Встречает как родного у ворот.
 Любовь народа Волги полноводней.
 «Войди, о гость, и проходи вперед.

**За стол, поэт: стихам не жить без хлеба.
Нальем: да не остынет дружбы жар.
До дна! А если мало — звезды с неба
Мы зачерпнем литым ковшом Стожар».**

ВЕСЕННЕЕ

Весна! Все преграды ломая,
В путь дальний отправился лед.
Вновь Волга качает родная
На зыбких волнах пароход.

Не все еще стаяли льдины,
Но манит река рыбаков.
Открылась большая путина, —
Да будет обилен улов!

В лугах разливаются воды,
Не скоро войдут в берега.
Хлопочут, спешат плотоводы, —
Своя им пора дорога.

Пора пробужденья! Дней вешних
Приметы на всех и на всем.
Распелись скворцы на скворешнях,
В сплошной синеве окоем.

В деревьях не терпится сокам.
Закон вековечен и строг:
Верны предначертанным срокам
И почка, и лист, и цветок...

Дожди отплясали задорно,
Испариной дышит земля.
Набухли ядреные зерна,
И трактор спешит на поля.

Я слышу шаги агронома,
Идущего полем с зарей,
Раскаты веселого грома
Над поднятой вновь целиной.

Я славлю поход добровольцев
В просторы казахских степей.
Напомнил загар комсомольцев
О юности шумной моей.

Я молодость славлю и силу,
Мечты дерзновенный полет,
И все, что уже воплотилось,
И все, что сегодня встает.

Я славлю поборников мира,
Большой их и малый почин —
От Лондона и до Каира,
От Мексики до Филиппин.

Пусть крепнет содружество наций
Во имя той цели святой,
Чтоб дети могли улыбаться,
Чтоб не был никто сиротой.

Весна! Все кордоны минуя,
Пусть песня над миром плывет:
Отчизну я славлю родную —
Народного счастья оплот.

ПОРТРЕТ МОЕЙ МАТЕРИ

1

«Спасибо, — ты художнику сказала, —
Похожей вышла, знать: стара, седа...»
Позируя, сурбан ты повязала,
Такою и осталась навсегда.
Глубокие, как борозды, морщины
И по привычке крепко сжатый рот.
Между бровями как бы две лощины, —
Немало скрыто бед в них и забот...

2

Все пристальней на твой смотрю я облик.
Ушла ты — и заметно пуст мой дом.
Так долго слыша голос, сразу мог ли
Тебя представить в мире я глухом?
Давно ли ты с соседями сидела,
Давно ли с чаркой полною в руке
Друзьям моим болгарским песню спела
Над Волгой о Дунае о реке?

3

Мой добрый дух! Я знал еще ребенком,
Как ходишь ты неслышно: лишь ключи
На поясе позванивают тонко,
Как будто дальний ручеек журчит...
Ты не смогла бы дня прожить без дела:
«Состарившись, дуб сохнет на корню, —
Твердила ты, — вот так и я б хотела...
Да как заботы людям причиню?»

4

«...Хлопот дня на три, как глаза закрою,
 Доставить можно», — добавляла ты...
 На третий день простился я с тобою.
 Лил теплый дождь на летние цветы...
 «Вот так всегда, коль добрый умирает», —
 Сказали люди старые вослед.
 Верна примета, неверна ль — я знаю:
 Худого про тебя не скажут, нет.

5

До лет твоих смогу дожить едва ли...
 Твой первенец, единственный я твой,
 В сорочке был рожден, как вспоминали,
 И с кровью чистой, жаркой, трудовой.
 Беречь себя — моя была забота.
 Моя ль?
 О, если только бы моя!
 Бывает — утром солнца позолота,
 Иод вечер ледяная бьет струя...

6

В дни грусти, горьких разочарований,
 Когда чуть тлела вера в доброту,
 Стремился я к тебе и знал заранее,
 Что вновь покой душевный обрету.
 Встречались ли мы в городе, в селе ли —
 Умела доброй ласкою облечь.
 И вновь мечты заветные светлели,
 Лечила душу мне простая речь.

Бывало, ставишь самовар вечерний,
 И вапоеет он нежно, как сырнай¹.
 «Поговорим. Ты редкий гость в деревне.
 Бросает же тебя из края в край!..»
 Да, путь к тебе лежал подчас окольный.
 Кружил твой сын, бог весть чем увлечен.
 И, выбирая кручи добровольно,
 Ни шагу под гору не делал он.

Порой ты, как бы походя, роняла:
 «Рожденный раз — и умирает раз.
 Сумей прожить — вот это труд немалый!»
 Да, думал я, не всякий тут горазд.
 Как жить? Ответить трудно было мне бы.
 Во всем зерно добра и зла зерно:
 Целебен мед, как и полынь целебна...
 Что мне еще ответить суждено?

Говаривала часто мне ты в детстве,
 Когда я буквы первые слагал:
 «Храни честь рода чистою ты в сердце,
 Люби родной народ, как он ни мал...»
 Тебя я слушал молча. Год от года
 Труднее становился мой подъем.
 Что сделал я для нашего народа?
 Об этом скажет сам народ потом.

¹ Сырнай — музыкальный инструмент, дудка (чув.).

По-русски ты совсем не говорила,
 Но слово русское «Россия» мне
 Впервые сказано тобою было,
 Когда речь шла о той еще войне.
 Ходили слухи о Козьме Крючкове.
 Была картина: на коне казак —
 Чубатый, с шашкой, с пикой наготове.
 «Он за Россию», — ты сказала так.

11

Лет семь мне было.
 «Кто это «Россия?» —
 «Да все мы, — я услышал в свой черед, —
 И люди сельские, и городские,
 И русский, и чуваш, и всяк народ...»
 Звало то слово, из лачужки тесной
 Куда-то вдаль несло мечты мои.
 И становилось жутко интересно,
 Что где-то там за нас идут бои.

12

Уже читал я письма из окопов.
 На лоб твой за чертой легла черта...
 Уже услышал в школе я «Европа».
 Значенье изменили вдруг цвета:
 И белый цвет, и красный — были люди...
 «А это Ленин», — говорил сосед.
 «Простой он вроде... Может, лучше будет...»
 И долго ты смотрела на портрет.

А годы шли. Отца мы схоронили.
 Услышал я слова: «Хозяин — ты...»
 Твое лицо вдруг слезы исказили,
 Улыбку стерли горькие черты...
 Беда одна не ходит: лошадь пала,
 Случился небывалый недород.
 Сгорело все.
 Деревня голодала,
 Я — тоже. Мне пятнадцатый шел год.

Какой хозяин без коня, без плуга!
 А богатеи подбирали все:
 Избу за пуд муки! «Что, братцы, туго?
 Зато власть ваша; надо быть, спасет...»
 Ты только крепче губы прижимала
 К моей щеке: «Учись... Я — как-нибудь...»
 Старайся. Может, выйдешь в люди, малый...»
 И через год лежал в Казань мой путь.

В лаптях, в кафтане домотканом, старом,
 С тетрадкой наивных первых строк
 Добрался я до города усталым
 И долго без тебя был одинок.
 А жизнь уже несла меня, как лодку
 Несет поток весной по быстрине.
 Я помнил все: и взгляд твой, и походку,
 И выстраданную любовь ко мне...

Моим раздумьям ни конца, ни края.
 Несутся годы, сердце мне круша...
 Забот ли бремя, горе ль пригибает —
 Пусть доброту всегда хранит душа.
 Нельзя посудой не стучать, доколе
 Семья семьею будет, домом дом...
 Мне б мужество твое,
 Твою бы волю,
 Чтоб зло не устояло пред добром.

Нередко ты с тревогой повторяла:
 «Лишь зрячей бы ходить, пока жива...»
 Восьмой десяток шел, а ты вязала
 С девичьим увлеченьем кружева.
 Ровнял ли волосы порой тебе я,
 Лекарства ль приходилось подавать —
 Из года в год казалась ты милее,
 Моя седая, сгорбленная мать!

От простоты твоей душевной, светлой
 Теплей, уютней было в мире мне.
 Всегда себя твоею малой веткой
 Я чувствовал с тобой наедине.
 Уклад ты деревенский, стародавний
 Собою в нашу суету внесла:
 Звала ты ванную в квартире баней,
 А холодильник погребом звала.

Друзей моих ты знала поименно.
 Наш город был тебе большим селом.
 Ты слушала поэтов умиленно
 И пела вместе с ними за столом.
 Давно ль Митта¹ сидел с тобою рядом?
 Вот и его земля взяла навек.
 Горюю я. Но есть одна отрада:
 Добром вас добрый вспомнит человек.

Устав от книг, от черновых тетрадей,
 От встреч, бывавших нудными порой,
 Любил под вечер отдыха я ради
 С тобою посидеть часок-другой.
 Ты вспоминала были-небылицы,
 Я проверял на слух, крепка ль строка.
 Выходит, нам уже не поделиться?
 Такая иногда в душе тоска!

Рожать детей — и боль, и счастье женщин.
 Кто знает, кем ребенок станет твой?
 Какой судьбой бы ни был он увенчан,
 Он всех дороже матери родной.
 Но я как будто вдруг прозрел — и разом
 Все в жизни стало ясного ясней:
 Тобой рожденный, я тебе обязан
 И песней сокровенною моею.

¹ Василий Митта — известный чувашский поэт.

Одни тебя находят в красках строгой,
Другие скромным видят облик твой.
Во мне — портретов матери так много,
Что вижу каждый раз тебя иной.
Но только, где потом ни вспомню, всюду, —
Сегодня, завтра, через десять лет, —
Наверное, всегда я видеть буду
В тебе чувашской матери портрет.

От колыбельной песни до отходной,
То радость изливая, то печаль,
Ты пронесла огонь души народной,
Как тысячи певиц, ушедших вдаль.
Клянусь тебе: душа моя готова
Стократ сгореть, чтоб свет народу дать.
Хранительница очага и слова,
Земной поклон тебе, чувашка-мать!

РОДНАЯ ВОЛГА

(Из романа в стихах «Семья Антраман»)

Волга, Волга! В песнях старых,
К нам дошедших из веков,
Ты прославлена недаром
На десятках языков.

Светлый плес, крутые спуски...
Как их словом передашь?
«Матушка!» — воскликнет русский, —
«Батюшка!» — вздохнет чуваш¹.

В трудных поисках свободы
Близ тебя, краса-река,
Повстречались два народа
И сдружились на века.

Волга, Волга! Счастье наше!
Паруса... дымки... гудки...
В целом свете нету краше,
Полноводнее реки!

Пенясь брагою хмельною,
От избытка сил буйна,
Далеко в луга весною
Забирается волна.

И глядят — не наглядятся
В глуби пойменных озер
Ветлы старые, что снятся
Мне во сне с недавних пор.

¹ Чуваша называют Волгу — Адал, добавляя слово «атте» — отец.

Воды внешние оставят
Ил в низинах берегов,
Заиграет разнотравье
Яркой радугой цветов,

И тебе такую сказку,
Что ты знать не знал досель,
Подарит тогда подпaska
Простодушная свирель.

Иль о том споют девчата,
Что в душе всю жизнь ты нес.
Чувством искренним богата,
Песня трогает до слез.

А когда, о Волга, зноем
Дышит купол голубой,
Разомлевыши над тобою
Ходит солнце день-деньской,

То чувашки косят сено
В белом с ног до головы,
Ряд за рядом, словно пена
На крутой волне травы,

И кузнечики стрекочут,
И лягушки из воды
Вторят им, и свищут ночью
Соловьи на все лады —

Все звучит единой песней,
Песней звонкою твоей.
Нет мелодии чудесней,
Нет музыки родней.

Позвенеет косою вдоволь,
Хорошо прийти к реке
И, нырнув, как утка-гоголь,
Выплыть где-то вдалеке.

Пусть волна нахлынет, вздыбясь, —
Смелых этим не проймешь, —
Словно стайка белорыбиц,
Веселится молодежь.

Девушки — поближе к парням:
Безопасней как-никак...
Улетают к поймам дальним
Смех и шутки забияк.

А под вечер, чуть жарится
Непомерная спадет,
Кто-нибудь игру подыщет
И потешит весь народ.

Поиграть, мол, надо в свадьбу:
Много места на лугу.
Колокольчик лишь достать бы,
Чтоб подвесить под дугу.

И, глядишь, с кривою палкой,
Ну, ни дать ни взять — старик,
В свой мешок кладет подарки
Нарядившийся шутник.

Прибаутки, песни, пляски —
Погулять народ не прочь.
Глядь, двух зорь смешались краски,
Не понять, была ли ночь.

Сыновьям крестьян, что знали
Серп, мотыгу да соху,
Тех, что силы надрывали
И в полях и на току.

Им и впрямь косьба в охотку —
То ль работа, то ль игра.
Прикорнут на срок короткий —
И за косы, как вчера.

Вспоминаю я с любовью
Белопенных гребней ход
В дни, как осенью с верховья
Ветер северный дохнет.

Расшатают шутки ради
Волны самый крепкий плот.
Кто теперь, мол, с нами сладит,
Кто порядок наведет?

И лесины в два обхвата,
Глядь, по воле волн, одни
Уплывают без возврата.
Кто не трус — так догони!

Но не зря у плотогона
Деды были волгари.
В лодку прыгнет он с разгона,
Вмиг настигнет: «Не хитри!»

Плещут волны, свищет ветер,
А ему не все ль равно —
Соберет и в бурю сети,
Не упустит снасть на дно...

Нет, недаром предки знали
Столько милых сердцу слов,
Нет, не зря мы повторяли
С детства: парус, руль, весло...

Волга, Волга! И зимою
Хороша на диво ты,
Санний путь зима построит,
Наведет мороз мосты.

И по той дороге ровной,
Вдоль красавицы реки,
В дальний лес помчатся дровни
С ветром наперегонки.

Не кукушка закукует —
Застучит в лесу топор,
Заведет пила лихую
Песню с пляской на весь бор.

В поле снег пушистый белый
Вьется лаской на юру.
Но взгляни, как посинел он
В зимнем сказочном бору.

На ольхе и на осине,
На березке на любой
Синий иней... Тени — сини,
Даже воздух — голубой.

Постояв, забудешь, где ты,
И как будто вновь листва
Зашумит кругом, как летом,
Заволнуется трава...

**Волга, спи тогда спокойно
Под покровом снеговым.
Много дела летом знойным
Предстоит волнам твоим.**

**Спи, копи пока что силы,
Собирай их про запас
И, как прадедам служила,
Послужи нам в трудный час.**

ЧЕТЫРЕ БЕРЕЗЫ

Алели цветы и грозы...
В деревне родной моей
Росли четыре березы
И четверо сыновей.

По разным ушли дорогам
Подросшие сыновья.
Березы стоят у порога,
А с ними стою и я.

Полет белых веток зыбок.
И тучи плывут, как дым.
Не часто в родимых избах
Мы, выросшие, гостим.

И только в поблекшей раме,
Как вызов вискам седым,
С отцами и матерями
В штанишках простых сидим.

Гордятся родные наши,
Что мы не забыли дом, —
Что мы не в праздники даже
Гостинцы и письма шлем.

И чудится им сквозь слезы,
Что около их дверей
Шумят не четыре березы,
А четверо сыновей.

II

Я ЖИВУ В РОССИИ

С винтовкой русской боевой
Я был в краях чужих, далеких.
И днем и ночью — в час любой —
Я чувствовал свой долг высокий.
Чем дальше от родных полей,
Тем с большей повторял я силой,
Как голос совести моей,
Как песню: я живу в России!

Чужую пыль на сапогах
Трава росистая отерла.
Над победителем врага
Родное небо распростерлось.
Чувашский ласковый язык,
Сказанья наши золотые,
Народной мудрости родник —
Все это сберегла Россия!

Я синью глаз не наделен,
Не славянин я крутоплечий,
И волосы мои — не лен,
И сердцем я чуваш и речью.
Но я солдатом русским был.
Так звали все меня народы.
Навек я с детства полюбил
Россию — родину свободы.

ЖУРАВЛИ

Мы залегли в бурьяне и в пыли.
Замолкла к ночи канонада.
И только пролетают журавли,
Курлыча грустно, к Сталинграду.

Расстроенный гортанный голос птиц...
Нет-нет и затрубит вожак их.
Летят они вдоль Млечного Пути
Туда, за море, в край свой жаркий...

О журавли! Далеко, далеко ваш путь...
Пусть мне под утро — снова к бою,
Но жалко вас: вам негде отдохнуть
В полях, повыжженных войною.

Рокошет где-то самолет вдали.
Рокошет наш. Знаком по звуку.
Вы можете спокойно, журавли,
Лететь под ним, даю поруку.

До скорого свиданья, журавли,
Лететь вам далеко-далече!
Весною на полях моей земли
У нас иная будет встреча.

Пока же равнодушный Млечный Путь
И звезд холодных мириады,
Тоска, что до утра не даст уснуть,
И зарево над Сталинградом.

СМЕРТЬ РЯДОВОГО

Пыль и дым. И полыни запах.
Автоматов слепых трескотня...
Он упал головой на запад,
Котелком и лопатой звеня.

Он упал, человек с востока,
Вражьей пулей убит наповал.
Руки так он раскинул широко,
Словно шар земной обнимал.

Его родина там, далеко,
Где Памир, где была тишина...
Но когда в руки взял он винтовку,
До Карпат пролегла страна.

Хоронили бойцы всем взводом,
Хоть от взвода осталась треть.
Головой положили к восходу,
Ибо смертью поправ он смерть.

АЛЫЙ ШАРФ

На прощанье подарила
Алый шарф подруга;
Как дарила, говорила,
Обнимая друга:

«Коль вернешь ты мне сохранным
Мой подарок скромный,
Значит, поздно или рано,
Сам ты будешь дома...»

Развернула шарф широкий,
С другом помолчала;
Посмотрела вдоль дороги
И поцеловала.

Шел он с севера до юга
С именем заветным;
Испытал и зной и вьюгу
На пути победном.

И с подарком неразлучен,
Воевал, как надо.
У донских он был излучин,
Был у Сталинграда...

Командир упал, сраженный
В схватки час суровый.
Парень, боем опаленный,
Не сказал ни слова.

Размотал он шарф на шее,
Развернул, как знамя,
И воскликнул над траншеей:
«Родина — за нами!»

Силу ярости утроив,
Из окопов тесных
Шквалом хлынули герои
За бойцом безвестным.

А бойцу казалось, где-то
В далях, за снегами,
Взор любимой видит это
Маленькое знамя.

ЖЕНЩИНЕ

В бою, в походе, на привале,
У партизанского костра —
Всегда тебя мы вспоминали,
Подруга, мать, жена, сестра!

И если в роте иль в отряде
Была одна — ее очам,
Ее волос волнистой пряди
Слагали песни по ночам.

И если приходили письма —
Солдат был к канонаде глух:
С какой тоской читали их мы
И перечитывали вслух!

Слова сердечные, простые,
Любя, волнуясь и скорбя,
Нам говорили о России,
А в ней мы видели тебя.

Тебя, жена, сестра, подруга!
Тебя, тоскующая мать!
И заклинали мы друг друга,
Идя на смерть, не умирать.

Дожди, дожди... Лежи и жди!
Как будто кто-то малой дозой
Больной земле дает глюкозу —
И день и ночь... Дожди, дожди...

Теперь в сосновый бы уют,
К черновикам, сверчку и кошке.
И чтоб узоры на окошке,
И песню слушать бы твою.

Но вижу я, закрыв глаза,
Грязь, хлябь, размытые траншеи;
Пурга, и тает снег на шее,
И не по времени гроза...

И там друзья мои идут
Вперед, упрямо стиснув зубы;
Небриты щеки, пальцы грубы...
Благословен их тяжкий труд!

Они, они — не кто иной —
Сквозь ад и гром, сквозь смерть и тленье
Несут отраду исцеленья
И мне и всей земле больной.

Туда с курлыканьем печальным
На юг тянулись журавли,
Напоминая нам о дальнем —
О мирном бытии земли.

Уж третья осень! Под Москвою,
Под Сталинградом, под Орлом...
Как будто родина с тоскою
Нам машет раненым крылом.

А я, пернатых провожая,
Кричал: ни пуха ни пера!
Не долетит до Дона стая,
Как мы напьемся из Днепра!

Может, месяц, может, больше
Не снимали мы сапог,
Гнали мы фашиста к Польше —
Без путей и без дорог.

Сквозь огонь — вперед к победе!..
На двухверстку поглядишь:
Сколько там еще трагедий
Спрятала лесная тишь?

Радостью делиться с другом
Хочется в победный час —
Польша там лежит, за Бугом,
Польша ожидает нас!..

Или это только снится?
Сколько мы в боях прошли!
Государственной границы
Мы черту пересекли.

Пыль июльская кружится
Вместе с дымом день-деньской,
Вечером туман ложится
Над несчастною землей.

Мгла тяжелая нависла,
Артиллерия гудит...
Вот уже пред нами Висла,
А за Вислой враг укрыт.

Ярких вспышек полыханье...
И на каждого бойца
Враг в предсмертном содроганье
Тратит чуть не пуд свинца.

Только мы всегда на страже,
Нас не остановит враг.
Трудно нам, — мы «Волга» скажем. —
И увереннее шаг.

Сомкнутым железным строем
Сквозь огонь и дым идем,
После боя, перед боем
О родной реке поем.

И под грохот канонады,
Мнилось, нам издалека
Светит славой Сталинграда
Наша гордая река.

Грезит ночь. Из комнатного плена
Вырвалась мелодия Шопена.
И в раскрытое окно палаты
Залетела, трепетна, крылата.
Грустное, ночное что-то влилось,
Но светло на сердце становилось.
Вспомнилось, что в детстве я о звездах
Думал как о певчих птицах в гнездах:
Вот вспорхнут, я думал, звезды-птицы,
Чтобы песней звонкою залиться.
Так Шопена сердце вдруг запело,
Ожерельем звездным зазвенело.
Нежные, чарующие звуки
Успокаивали боль и муки.
Слушал я, и только мне, казалось,
Музыка в признаньях изливалась.
Но под ропот струн иная сила
Мысль мою, волнуя, уносила:
Видел я закат на Волге мирной,
Заливных лугов простор обширный;
Видел смуглых девушек на лодке,
Слышал смех их сдержанный и кроткий...
Чувство родины, святое чувство,
Без тебя как было б в сердце пусто!

ПОБРАТИМСТВО

Никогда не позабуду,
Как я летом, в сорок пятом,
Средь ликующего люда
По Москве шагал солдатом.

Да, солдатом: это слово
Знаменитое, которым
Звались все — от рядового
И до маршала в ту пору...

Шел в Москве я. Задержало
Лишь одно меня в столице:
Я хотел хоть каплей малой
В торжество Победы влиться.

Я из госпиталя ехал
В полевых еще погонах...
Шел и слышал взрывы смеха,
Звон тальяночек походных.

Слезы радости я видел
И читал в глазах солдаток,
В нескрываемой обиде,
Что удел вдовы не сладок.

Управляя костылями
И в толпе шагая дальше,
Вдруг заметил я, как сами
Отдают мне честь, кто старше.

Это кровное единство
Рангов, званий и большое
В горе, в счастье побратимство —
Было Родины душою.

Радость, гнев, надежда, ярость —
Все прошло сквозь сердце сразу.
Сердце словно разрывалось,
И бессилён был тут разум.

Нес меня поток народа,
Что все шире становился...
И за все четыре года
В первый раз я прослезился.

АМИСЬ

Есть обычай старинный;
Может, он и не наш,
Но его и поныне
Соблюдает чуваш.

Коль с полком в дальних странах
Побывает солдат,
Без монет иностранных
Не вернется назад.

Их служивый подарит
Ненаглядной своей —
Не за тем, чтоб в амбаре
Спрятать в короб скорей.

Наши девушки любят
До сих пор звон монист.
Я одну видел в клубе,
Где играл гармонист.

Пригляделся к монетам,
Что на шее висят:
И каких только нет там,
Понизанных в ряд!

Кроны, золотые, левы...
Вышла девушка в круг,
Повела бровью левой,
Оглядела подруг.

**И пошла, хорошея,
В пляс смелей и смелей.
Звон все громче: на шее
Пол-Европы у ней!**

**«Шире круг! Где там наши?
Выходи, не срамись!..»
Это птичница пляшет,
Комсомолка Амись.**

Стучи, работай, дятел-друг!
Страшит меня безмолвный бор.
Солдатский краток мой досуг.
Не верю в тишь я до сих пор.
Стучи, работай, дятел-друг!

Страшит меня безмолвный бор:
Так много знали мы тревог,
Засад и выстрелов в упор,
Шагая вдоль лесных дорог!
Страшит меня безмолвный бор.

Солдатский краток мой досуг:
Быть может, вновь пароль шепнут,
И встать с винтовкою сам-друг
Придется мне на страже тут.
Солдатский краток мой досуг.

Не верю в тишь я до сих пор:
Пусть что-нибудь — сучок сухой,
Скрип дерева, сова, топор —
Нарушит тягостный покой.
Не верю в тишь я до сих пор.

Стучи, работай, дятел-друг!
Порой так вздрогну я в тиши,
Как будто хлопнут дверью вдруг,
Мне ближе мирный лад души...
Стучи, работай, дятел-друг!

В БЕССОННУЮ НОЧЬ

Давно я с этим городом знаком
И — где бы ни был — думаю о нем.
Коль выпал случай, так спешу сюда,
Меня на распутьях поезда...
Как тихо!

Вдалеке гудит мотор.
Должно быть, кончил поздний рейс шофер.
Из крана мерно капает вода.
Не спится.

Пережитые года,
Волнуя сердце, в памяти встают,
Мне за полночь покоя не дают.
Закончив день, спокойно спит семья —
Спит сын, жена и мать, один лишь я
Лежу, всю ночь не закрывая глаз:
Не обрывает память свой рассказ.
То радость вспыхнет в сердце,
то печаль,
Когда на миг вдруг близкой станет даль.
Я вижу детство:

мальчик на ветру
Шагает с недоуздком поутру;
Его лаптям, обрызганным росой,
Мечта указывала путь другой...
Я вижу годы юности моей.
Металось сердце в пламени страстей,
Но та мечта

сильней день ото дня
Куда-то вдаль звала,
влекла меня.

Тихонько нашим чайником гремит,
И слышно, как вода в него бежит.
Беги вода,

гуди,

звени,

журчи!

Пускай бьют жизни светлые ключи,
Пускай веселый звонкий плеск струи
Развеет думы хмурые мои.

РАНЫ ПОЭТА

С днепровского причала в один из летних дней
Я поднимался в Канев и помнил все о ней,

О ней, что повториться не может — не должна! —
Ни под каким предлогом: война — всегда война.

В траве атели маки, но в теплой тишине
Они напоминали кровь пролитую мне.

Я в верном сердце сына принес поклон тому,
Кто стал родным и близким народу моему.

А он, глашатай правды, крамольник и смутьян,
Стоит, насупив брови, — на нем семнадцать ран.

Знать, страшен был кому-то и бронзовый Тарас...
Родная! Украина! Который это раз?

С простреленным плечом он, с простреленным виском...
Живых, живых те пули искали над Днестром!

Искали, находили... Кого же из солдат
Он заслонил собою от пуль и от гранат?

И где они, те люди? Не я ль один из них?
Давно стихом последним мог стать мой каждый стих...

Душа моя трепещет, и в жилах бьется кровь:
Израненная бронза ее волнует вновь.

Семнадцать ран зияет, и нет для них врача:
Они в народном сердце горят, кровотока...

Нет! Больше повториться не может — не должна!—
На раненой планете ужасная война.

А если мир насилья задумает рискнуть,
Пускай посмотрит прежде на небо как-нибудь.

Пусть слышит перекличку он птиц иных высот:
То мирный Сокол к Чайке¹ любовь свою несет.

То кружат мирно Беркут и Ястреб до поры,
В мечтах воображая далекие миры.

И не дай бог кому-то нарушить их мечты! —
Гром грянет небывалый с надзвездной высоты.

А на земле призывом и клятвою гремит
Великий, стоязычный, бессмертный «Заповіт».

¹ Позывные советских космонавтов.

ЗДРАВСТВУЙ, КИЕВ!

Всходило солнце над Днепром,
Левобережье освещая.
Дул легкий ветер. Крики чаек
Будили реку. Шепотком
Переговаривались волны.
Решая — встать иль не вставать...
И мне припомнилось опять,
Как слышал я их голос полный:
В могучей песне Кобзаря
Они гудели и стонали,
Пока мы тьму не разорвали
И вновь не занялась заря.
В них клокотал наш правый гнев
К тому, кто в ярости бессильной,
Храня на случай яд крысиный,
Терзал Украину, озверев.
И были волны те литые
Таковыми, что в ту ночь впервые
Могли услышать их глухие,
Могли увидеть их слепые!
И думал я: безумец тот,
Кто посягнул на наш народ,
На наше братство... —
Здравствуй, Киев!

Война вошла мне в кровь и плоть,
Ее не вытравишь годами.
Пусть сердце превратится в камень —
Осколка не перемолоть.
Но вдохновение, любовь,
Бессмертье песни — все отдам я,
Чтоб только не услышать вновь
Мужского страшного рыданья.

ТРЕВОГА

Мой каждый стих — как будто бы последний...
Возможная трагедия Земли
Тревожит сердце мне: ведь я — наследник
Всего, что люди в мире возвели.

С людьми все больше я люблю встречаться,
Порой весь путь проговорить готов.
Слова, слова... Но замечаю часто
Оцепененье странное меж слов.

Смотрю в глаза людей и в них читаю
Вопрос все тот же, что сжимает грудь:
«Что будет с человечеством?» — Не знаю.
А хочется, чтоб знал хоть что-нибудь!

Жить хочет человечество на свете,
Наш добрый гений — он сильнее зла:
Он не допустит, чтобы на планете
Все рухнуло, сгорело все дотла.

Найти слова могучей веры жажду,
У нас на равнодушие права нет.
Душой своей и кровью — каплей каждой! —
Пульс мира должен чувствовать поэт.

Живой сейсмограф сердце у поэта:
Подземный гул с клокоющим огнем,
Толчок первичный, рядом или где-то,
Дрожь малая — все отдается в нем.

**Порою тяжело невыносимо,
Но места нет полове слов пустых:
Мне к горлу подступает Хиросима...
Я не хочу, чтоб стал последним стих!**

III

ПЕСНИ ТИЛЛИ¹

«Тилли, Тилли», — в округе все твердят,
А знают, кто такой Тилли, навряд.
Плясать да бить в ладоши — ай, люли! —
Не значит быть похожим на Тилли.

«Казань,—твердят,—Казань, а мы-де — глушь...»
Да, из Казани мой отец Кируш.
Купцом стать капитала не хватило,
Сидельцем в лавке — гордость не пустила.

«Майра, майра»², — твердят кругом с утра.
Да, мать моя красавица-майра.
Умыта молоком цеженным,
Спелената холстом беленым,
В Казани первой, говорят, была...

¹ Песни Тилли — песни бывшего солдата-балагура и весельчака. В них звучат народные мотивы, проникнутые лиризмом и юмором. Голос Тилли — это голос чувашского крестьянина, несущего на плечах ярмо социальной несправедливости дореволюционной России.

² Майра — так чувашки называют русских женщин.

Росли мы дружно, чтя свою родню,
Как пять рябинок на одном корню.

Из братьев самый меньший — я, Тилли.
Меня, благословив, так нарекли.

Рожден пригожим, стал я молодцом.
За то меня балуют мать с отцом.

Для стариков есть разум у меня,
Для девушек — глаза полны огня.

Весною я в сорочке родился,
Когда рассвет еще не занялся,

Звезда сверкнула сквозь ночную муть,
Косяк гусей держал на север путь.

«Охотничек у вас, не кто иной», —
Сказала повитуха надо мной.

Меня не стали к ласточкам носить,
Чтоб те меня учили говорить:

Пошел я скоро — месяцев с шести,
Заговорил с родными — с девяти.

Родился я под полною луной,
Когда петух горланил за стеной.

В роду на счастье рода я один
Рожден в сорочке пятый, младший сын.

Сорочку эту высушила мать,
Чтоб можно было в коробе держать¹.

И там же песню спрятала свою.
Я песню отыскал и вам пою.

¹ Чувашский народный обычай.

Я просыпаюсь дома на заре.
 Белей сурбана¹ рядом мать стоит,
 Поет петух горластый во дворе,
 Отец в раздумье трубкою дымит.

Родные, грустно глядя на зарю,
 Советуются тихо меж собой,
 Кого из сыновей отдать царю —
 Жаль всех, да что поделаешь с судьбой!

У старшего детишки — как отдашь?
 Второго б — да сноха уж очень зла...
 На среднем дом — «умен... кормилец наш...».
 Четвертого б — «молодка понесла...»

«Что делать нам? Меньшого отдадим», —
 Решил отец. И согласилась мать:
 «Куда бы ни попал, он все — один,
 Сам за себя сумеет постоять...»

Тут снова я накрылся с головой.
 Чуть плакать не заставила беда.
 Зачем петух горланил заревой?
 Не просыпаться мне бы никогда!

¹ Сурбан — головной убор замужних чувашек в виде вышитого полотенца (чув.).

Не развязать ли мне, ребята,
Мешок, в каком я песни спрятал?
Напев таков
У рекрутов,
Что тронул он Тилли-солдата.

Приклад тяжелый, штык твой острый...
Служить царю полжизни просто ль?
Хоть и кряхтел,
Чуваш терпел,
Вот борода и стала пестрой.

Мы в море веслами махали,
На горы голые влезали.
Высок Кавказ:
Слеза из глаз —
Так вечные снега сверкали.

В крутых горах, на ровных нивах
Душ сырых больше, чем счастливых.
Един лишь свет,
А судьбы — нет:
У этих блага, те — чуть живы.

Беда что ком, судьба что желоб.
Нраву небесных сил тяжелый:
Хотят — сомнут,
Хотят пошлют,
Тому — орех, тем — горький желудь.

На час я развязал, ребята,
Такмак,¹ в котором песни прятал.
Напев таков
У рекрутов,
Что тронул он Тилли-солдата.

¹ Такмак — кожаный мешок, переметная сума (чув.).

Что разумеют, говоря «мегель»?¹

— Коль хочешь знать, сперва спроси, дружок,
У облаков, кудрявых, точно хмель.

Что ж дождиком не окропят лужок?

Не вышел срок.

«Мегель» — что это, объясни, родной.

— Спроси ты у гусей, чей путь далек,

Что ж над озерной светлою волной

Летят, не отдохнув хотя б часок?

Не вышел срок.

«Мегель» — что ж это все-таки, ответь.

— У яблоньки спроси, какой в том прок,

Что до рассвета не украсит ветвь,

А будет в почке прятаться цветок?

Не вышел срок.

«Мегель» — что ж это все же, как узнать?

— Спроси у скрипача, зачем смычок

На струны скрипки медлит опускать, —

Стоит, уставясь взором в потолок?

Не вышел срок.

Но дождь из тучки хлынет на лужок,

Запелят гуси с гоготом поток,

На яблоньке распустится цветок,

И на струну опустится смычок,

Как выйдет срок.

¹ Мегель — возможность, пора (чув.).

Четыре дома — в них по милой,
Из них одна лишь — до могилы.

Какую на небе в скрижали
Со мною рядом записали?

Писали черным — на беду ли,
К веселью желтым там черкнули?

Иль красным? — это к полнокровью.
Или зеленым? — на здоровье...

Четыре крали на примете,
С какой запрешься в брачной клетке?

Кого любить, чтоб без обмана?
Чью голову прокрыть сурбаном?

В тухлых с кораллом все четыре,
И нет их краше в целом мире.

С лесною земляникой спелой
Красою могут спорить смело.

Одну возьмешь — жаль остальных,
Взять всех — законов нет таких!

Одну покрыть бы покрывалом,
Тем, что вторая вышивала,
А третья бы постель постлала,
Четвертая бы разувала...

Но все — огонь, полны гордыни,
Не станет ни одна рабыней.

Та, что с Большой, свежа, как росы.
Во сне мне снятся ее косы.

Та, что на Средней обитает.
Своей улыбкой покоряет.

А та, что с улицы Нагорной,
Пленяет песнею задорной.

А с Нижней улицы девица,
Та лаской в пляске может виться.

Ай-гай! Где свой покой найду я?
На Пюлеха¹ я негодую:

Мою любовь — такое лихо! —
Не разделил на четверых он!

¹ П ю л е х — чувашское языческое божество.

Вдоль села иду я стежкой,
Вижу вдруг тухью в окне.
Синеглазая ладошкой
Из окошка машет мне.

Словно не заметив, ходу
Я прибавил, но смекнул,
Как снаружи снять щеколду,
И в калитку прошмыгнул.

Как зашел, пятиалтынный
В голенище опустил.
Снять сапог заставил чинно —
Над девчонкой пошутил.

Та монетку придержала,
Чтоб не дать ей зазвенеть,
И с улыбкою сказала:
— Ведь не свадебная клеть... —

А сама сняла передник...
В двух шагах была беда.
Но, хотя душа не ледник,
Я опомнился тогда.

И ушел. Пускай иные
Скажут: «Парень бестолков».
Сватов ждут ее родные —
Уважаю стариков.

Отца с могучим львом сравню:
Растил меня под бородой,
Спознаться не давал с бедой,
Берег и от молвы худой.

А мать с орлицею сравню:
Как станет буря завывать,
Одним крылом спасала мать,
Другим меня ласкала мать.

Я брата с беркутом сравню:
Горой он за меня стоял,
Мне на ноги не наступал,
Поблажку младшему давал.

Ни с кем невестку не сравню:
Как люльки я покинул плен,
Так не сходил с ее колен,
Пошли ей счастье бог взамен.

Сестру я с лебедью сравню:
Как в тройке свадебной летел,
Я на сундук с приданным сел.
Тилли у ней сынок-пострел.

А брата младшего сравню
С чирком, юркнувшим в краснотал:
По посиделкам он шнырял,
О том, что слышал, не болтал.

Сестрицу младшую сравню
Я с куропаткою лесной:
Делилась лакомством со мной,
Звала и на девичник свой.

Себя я с ястребом сравню:
Я днем и ночью распевал,
На каждой свадьбе погулял,
Всех девок перецеловал.

Пред воротами поклон —
Принял я привета ковш.

Во дворе — другой поклон:
Выпил я согласья ковш.

У сеней опять поклон —
Уверенья взял я ковш.

Посреди избы поклон —
Поднял за судьбу я ковш.

Отдал всем большой поклон,
Осушил любви я ковш.

Как сказал я стих — поклон,
Круговой пригубил ковш.

Пред большим столом поклон —
Принял жениха я ковш.

В пляс пошел, потом — поклон,
Вот и завершенья ковш.

Вышитым платком махнул,
Выпил на дорогу ковш.

Немятым беленьким платком
 Любимая была,
 Невзятым в руки пояском
 Любимая была,
 Не знавшим дела пряслицем
 Любимая была,
 Никем не ношенным кольцом
 Любимая была.
 Из сердолика бусинкой,
 Иголкой непронзенною
 Любимая была,
 Серьгой, в ушко не вдетою,
 Любимая была,
 Воротничочком шелковым,
 Ни разу не застегнутым,
 Любимая была,
 Тухъею непримеренной
 Любимая была,
 Смычка не знавшей скрипочкой
 Любимая была,
 Непробованной дудочкой
 Любимая была...

Стал черным белый мой платок,
 Не мне достался поясок,
 А пряслице распалось вдруг,
 Колечко распаялось вдруг,
 Мой камень-сердолик пропал,
 Жемчужинку я потерял,
 Воротничочек лопнул мой,
 Случилось то же и с тухъей,

Рассохлась скрипочка моя,
Сломалась дудочка моя.
Богаче Пюлеха я был,
Теперь беднее нищих я!

Эй вы, трубакуры, голь,
У кого нет и на соль!
Я и сам такой сейчас —
Может, победнее вас.
Есть о чем и мне тужить,
Но давайте, братцы, жить
До поры, пока кушак
Станет подметать большак.
А как станет подметать,
Можно снова жизнь начать!

В оглоблях конь мой норовистый.
С натугой путь одолевает.
А в голове сиротской мысли
Тоскливой чередой мелькают.

Ай-гай, как будто сквозь решета
Пушинки белые кружатся.
Одни печали да заботы
Сегодня на сердце ложатся.

Вокруг безлюдье, голо, сирю.
Звенит уныло колокольчик.
О переменчивости мира,
Мне кажется, сказать он хочет.

Ай-гай, ухабы жизнь отравят —
Конь много раз в пути застрянет,
А все ж назад никто не правит,
У каждого свой конь и сани,

У каждого свой колокольчик —
Звенит, дразня, путь коротает.
То горько плачет, то хохочет,
Пока навек не умолкает.

Все пой да пой, вы просите меня,
А ведь не настоящий мастер я.
Но, коль спою то, что люблю я,
И мастерам не уступлю я.

Коль восемьдесят восемь есть стихов
И девяносто девять к ним ладов,
Но нету времени их слушать,
Не спеть ли те, что греют душу?

Ай, желтый стол у вас и чалый мед!..
А если песнь за сердце не возьмет,
Коль песню не найду такую,
Что скажете, когда уйду я?

Ковши резные подавались мне,
Меды хмельные наливались мне,
От яств стал крепкий стол ломиться.
Пусть все вернется к вам сторицей!

Так будем веселиться мы и петь,
Плясать давайте лихо и шуметь —
Никто два века в мире не жил,
Никто владыкой мира не был!

Сто семьдесят, слышь, лип свалил я,
 И белый дом себе срубил я,
 И сорок, верь, локтей сукна
 На лестницы в нем постелил я.
 Перила лестниц тех обил я
 Пятью локтями плиса, верь мне!
 Чтобы албастам¹ открывать
 Приятно было гостю двери,
 Пришлось в Казани заказать
 К ним петли — все из желтой меди,
 Пришлось те петли прибивать
 Гвоздями, что из красной меди.
 На ручки серебро пошло.
 Чтоб было в горнице тепло
 И чтоб Хертсурту² угодить.
 Мне дюжину печей сложить
 Пришлось из кирпичей, поверь мне.
 Чтоб солнцу угодить с луною,
 Пробил сорок одно окно я.
 Их ярким шелком занавесил,
 Над каждым клетку я повесил.
 Чтоб всякий гость доволен был,
 Кукушек в клетки посадил.
 Когда приходит самый близкий,
 Те, крылья распахнув, кукуют;
 Когда пожалует знакомый,
 Мотая головой, кукуют;

¹ Албасты — духи дома (чув.).

² Хертсурт — домовый (чув.).

Когда родные в дом заходят,
То дружно, как одна, кукуют;
Когда чужие навещают,
То с переборами кукуют;
А если парни в дом заглянут,
Кукушки радостно кукуют;
А если девушки заедут,
Тогда взволнованно кукуют;
А если дети приезжают,
С задорным хохотом кукуют;
Коль прихвастнет хозяин дома,
Смолкают, как вот эта песня.

Нагрев светец, тускнеет уголек.
Но не беда, что этот свет потух.
Взгляните, как поголубел восток,
Послушайте, как голосит петух.

Эй, в кереге¹ уютном старики,
Понятно ль вам его «ки-ки-ри-ки»?
Кричит он, что за днем идет другой, —
Не день проходит так, а век людской!

Эй, тетки, все бы тары-бары вам...
Кричит он, что радивая сурбан,
Вскочив, уже успела повязать,
А вы вчерашних не успели снять!

Эй, бравый парень, посиделок друг,
Послушай-ка, о чем кричит петух:
Настал рассвет, домой пора, друзья,
Порочить имя девушки нельзя.

Девушник свой, красавица, покинь:
Ты слышишь, что доносят петухи?
Буренка замычала: пить давай —
Скорее коромысло обнимай!

Эй, шустрые, кто на полатах спит!
О том петух горластый голосит,
Что тетушка вам печь блины спешит.
Вставайте: с пылу, с жару — хороши!

¹ Кереге — наиболее удобная часть дома, где обычно собирались мужчины (чус.).

Радужные сердца — что мурава...
Как щебет ласточки, звучат слова.
Ковш круговой испил до дна я,
Как выпить посошок — не знаю...

Раньше сам за образец я слыл,
 Кунью шапку раньше я носил;
 Верх у шапки — чистого тарая¹,
 Кистью я серебряной форсил...

Раньше сам за образец я слыл,
 Мой тулуп всегда распахнут был,
 Кушаком был розовым он стянут,
 Желтый лис от ветра грудь хранил...

Раньше сам за образец я слыл,
 Из вигони варежки носил,
 Сани — точно крылья, а рысак
 Ветер бы и тот опередил...

Раньше сам за образец я слыл,
 За сто верст к приятелям катил,
 Был со старцем — старец, с юным — юн,
 Речью бы любому угодил...

Раньше сам за образец я слыл,
 Вмиг бы взглядом девушку сразил,
 А мизинец в кольцах был всегда —
 Лишь кивнуть, любую бы сманил...

Раньше сам за образец я слыл,
 И в кисете счастье я носил;
 Вспомнишь — то не жизнь была, а сон,
 От него очнуться нету сил.

¹ То есть из тарайского шелка.

По лугу ручей журча бежит,
 Лишь в глубоком омуте кружит.
 В сердце тишина теперь, покой,
 Лишь от злых наветов грудь щемит.

Дует ветер, дует все сильней,
 Листья прочь уносит он с ветвей,
 Ветер, волосы мои — не лист,
 Лучше горе горькое развей.

Гуси с криком в воздухе снуют —
 Иль внизу уж слишком илист пруд?
 Ноет сердце и скорбит душа —
 Иль меня одни печали ждут?

Сносное сулит ли жизнь житье,
 Горести ль в запасе у нее,
 Чтоб ни ждало, песню пой, Тилли, —
 В песнях утешение твое!

Ай-гай, шумит осенний лес, шумит,
Как будто мало он, кудрявый, рос.
А грудь горит, душа моя грустит,
Я смысл бы грусть-печаль, да нету слез.

Ай-гай, как ветер верховой свистит
И косо желтый лист с дерев летит.
Не думаю — так будто нет забот,
Подумаю — так голова болит.

Ай-гай, вон облака плывут, взгляни,
Округлые, как серый след костра.
Проходят дни-года, а в памяти они —
Как будто сон, приснившийся вчера.

Сыграть бы мне на скрипке, да боюсь:
По струнам огонек не побежит ли,
Натруженный смычок не задымит ли,
Мне бороду огонь не опалит ли?

Мне песню бы запеть, да я боюсь:
Вдруг крылья мой напев не обретет ли,
И крылья те, взлетев, не распахнет ли,
Мне сердце этот взмах не разорвет ли?

Сплясать бы от души мне, да боюсь:
Чуваши вслед за мною ведь запляшут.
Не треснет ли тогда земля, как чаша,
Не станут ли тогда все клясть чувашей?

Я в лес помчался на лихом коньке
И спрятал грусть свою в березняке:
Коль в голове держать свои печали,
Заговорят ведь как о чудеке.

Ходил-бродил у Черемшана я,
Нет даже горсти хмеля у меня,
Хоть я и дожил до преклонных лет,
Мне завещать вам нечего, друзья.

Изменчива, капризна дней река,
Скамейка жизни, ох, как широка.
Чтоб разгадать загадку бытия,
Жизнь человека, видно, коротка.

Куда ступить ногой, не знаешь:
 На речке камни-голыши
 Или непаханая залежь
 Всегда ли были без души?

В сарае кирпичи леплю я,
 Вдруг голос тонкий неземной:
 «Побережней... едва терплю я...
 Я был тобой, ты станешь мной...»

Процеживал я в ласи¹ пиво
 И чуть седьмой ковш осушил,
 Услышал, как кувшин игриво
 Со мною вдруг заговорил:

«Я кринка тонкая сегодня,
 А я ведь девушкой была...
 Ах, как бы, старый греховодник,
 Тебя я крепко обняла!..»

У Волги я сидел без дела
 И камешки перебирал.
 Взял в руки камешек я белый
 И вдруг такое услышал:

«Я был и сердцем полководца,
 Я был и медом и травой,
 Так дай погреться мне на солнце,
 Оставь, шагай своей тропой...»

¹ Л а с ь — летняя кухня (чув.).

Коль на пчельник забрели,
То, наверно, не вдали
Вы увидите, ребята,
Скоро лысину Тилли.

Что он делает? Играет.
Скрипку петь он заставляет.
Матка, голос скрипки слыша,
Далеко не улетает.

Успокоенный игрой,
Собрался на вязе рой.
Поспеси, Тилли, с лукошком
И ковшом его накрой!

Золотистая пчела
По щеке моей ползла,
А ужалить не решилась —
Жизнь и пчелка берегла...

Ах ты, труженик-малыш,
Ты за взятком, знать, спешишь.
А хозяина-то знаешь:
Слышу, ласково гудишь...

Что же сделает Тилли,
Коли в гости вы пришли?
Крепкий сим¹ Тилли нацедит,
Чтоб отведать вы могли.

¹ Сим — медовый напиток (чус.).

Тем хвала, кто сок земной
Превращает в мед хмельной.
Слава, слава изобилью,
Солнцу с щедрою весной!

Гости, пейте на здоровье,
Подношу я вам с любовью.
Пусть и в будущем году
Пир такой же приготовлю!

Есть птица у меня ручная,
 На волю выпустить мечтаю,
 Но если я открою клетку,
 Как поведет себя — не знаю.

На чье плечо присядет птица?
 Какой он песней насладится?
 А если в час печали сядет,
 Печаль той песней утолится?

Вот про меня твердили: хват —
 Не тонет, не горит солдат,
 В беде на миг не оробеет...
 И нынче то же говорят.

А вот каков на самом деле?
 Не стала ль борода куделью?
 Мы, отхлебнув из чаши жизни,
 От магысмы¹ не захмелели?

Пока смышленных песни учат,
 Пока не путаюсь в онучах,
 Быть может, к праотцам, друзья,
 Отправиться мне было б лучше?

Без капли хорошо б свалиться,
 Покуда трубочка дымится.
 И коль по правде, то пока
 Язык мой острый шевелится...

¹ Магысма — слабое пиво без хмеля (чув.).

Споткнуться может конь здоровый,
Но фыркнет и бежит он снова.
А вот у клячи, что споткнется,
Прочь отлетают все подковы.

Юрсты¹ постигнет неудача, —
Встряхнется и споет иначе.
Когда ж иной поет без лада,
Мне вспоминается та кляча.

Погода — ад, дорога — жуть,
Все вехи скрыла вьюги муть.
Идешь с рябиновою палкой,
С трудом нащупывая путь.

Мечта твоя летит вперед,
А счастье позади бредет,
Коль жребий выпавший обманет,
Никто другой раз не метнет.

Все переменчиво на свете,
Да вот о трех концах все плети.
Добро б один конец задел.
Увы — хлестнуть все разом метят..

Царь на земле, на небе — бог.
Кто б сильному перечить смог?..
Один Тилли поносит власти.
Что гнут людей в бараний рог.

¹ Юрсты — народный певец (чув.).

Зашел я в караулку, в сени,
Где у начальников конторы
Просил народ, став на колени,
Чтоб снизили свои поборы.

А староста со старшиною
Сидят в избе при всех медалях.
Лежат и розги там горою,
И писарь чиркает в скрижалях.

Ай-гай, ни ржи нет, ни пшеницы.
В Макарьеве барыш не взял я,
И золото под половицей
Про черный день не закопал я.

И пол обмел я бороною,
И, обругавши для начала,
Всю спину мне ожгли лозою,
И дума в голову запала:

«Коль есть владыка мира правый,
Что ж слабо у владыки зренье,
И что же я, как червь безглавый,
Сношу безропотно глумленье».

Барышники, гляжу, коней сбывают.
Эх, серые! Как шеи выгибают!
Как вспомню свою юность — аргамака,
Так в старом сердце слезы закипают.

Глашатаи в усердии великом,
Чтоб залежь сбыть, вращают шапки с криком.
Ах, молодость, ни за какую цену
Тебя не купишь: ты не мед, не лыко...

Вон мерят ситцы ловкие купчины.
В руках играют желтые аршины.
В любом аршине лишь четыре пяди,
Куда б ты в этом мире взор не кинул.

Китаец фокусами завлекает:
Булатный нож при публике глотает.
А я устал от скоморошества жизни,
И сердце отдохнуть уже мечтает.

Мои мечтанья с грубочным дымком
Растаяли, свернувшись завитком.
Надежды, потонув на дне ковша,
Заглохли, как зерно в песке сухом.

Не зря в народе присказка живет:
На бога понадейся — сук проткнет.
Поверив человеку, в грех впадешь.
Кому же верить? Вот ведь переплет!

Глупцу поверь — останешься без глаза,
Супруге — потеряешь оба разом.
Верь псу: он просит ласки без обмана,
Вот что Тилли подсказывает разум.

Сарбай, мой пес, безмолвный друг хороший,
Давай с тобой побродим по пороше.
В лесу добудем тетерева, что ли...
У многих, друг мой, жизнь гораздо плоше!

Летит косяк гусей над большаком.
В пути не просто править косяком;
Кто выводки беспечные сберег,
В последний раз помчался вожаком...

На белый свет я появился голым,
Уйду в рубахе белой, тих, как голубь.
Тот свет мне, благочинный, не сули:
И этим-то я сыт, хоть мучит голод.

Из корня вишни трубку сделал я,
Чубук я смастерил из бересклета.
Курил в печали, в радости, друзья,
А жизнь моя прошла — за летом лето.

Из липы ковш узорный резал я,
Над ручкою трудился до рассвета.
Я медом ковш наполнил по края,
А жизнь моя прошла — за летом лето.

Из клена скрипку долго делал я,
Как девушка, прекрасна скрипка эта.
Играл, печаль и радость не тая,
А жизнь моя прошла — за летом лето.

И ты стареешь, мой Сарбай.
Как люди-человеки.
Совсем заглох твой звонкий лай
И пожелтели веки.

Уже и слух твой ослабел...
Где силушка бывалая?
Бывало, пчельник весь звенел
От заливного лая.

Когда меня ты, друг, встречал,
То мчался издалече
И прямо в губы целовал,
И лапы клал на плечи...

Когда по всполью я шагал,
Бросался ты с проселка
И шутки ради в поле гнал
С лужайки перепелку.

Теперь ты тих, угрюм и прост
И с позевотой длинной
Качаешь медленно свой хвост,
Как маятник старинный.

Порою поглядишь в глаза
Пытливо, человечно,
Как будто хочешь мне сказать
По-дружески ты нечто.

А может, думаешь: «Беда!
Старик, как на пирушку,
Пойдет на зайцев и тогда,
Когда не видит мушку...»

Сарбай, жизнь — словно след от лыж.
Нам охать не пристало.
И мы обочинкой, глядишь,
Пройдем с тобой немало.

А там, по тракту, тарахтят
Обозы, мчатся тройки,
И господа в бобрах пыхтят,
Как поп после попойки.

А мы при виде ездовых
И шапку не ломаем:
Следы от лыж и от возков
Замечет вьюга — знаем!

А вьюга — это наша смерть...
Знай, рано или поздно
Над нами злая крутоверть,
Сарбай, промчится грозно.

А мы пока по мере сил
Зайчишек все тревожим.
Где встретить вьюгу рок судил,
Того мы знать не можем.

С тобой, Сарбай, мы как лыжня —
Два следа неразлучных.
Я без тебя, ты без меня —
Подумать даже скучно.

Коль раньше ты помрешь, тогда
Из шкуры я, не скрою,
Уртмах¹ сошью, чтобы всегда
Носить его с собою.

Коль во хмелю скончаюсь я
Там, в поле, на ночь глядя,
То на ошейник твой друзья
Мой перстенок приладят.

С ним вслед зайчишке ты скачи,
Загонишь, так для вида
Повой призывно, порычи —
То будет панихида.

¹ Уртмах — мешок, сумка (чув.).

Зеркальце имел я небольшое —
 Круглое да ясное такое.
 Поутру в него смотрелся я,
 Вечеру в него гляделся я,
 Да и не заметил, мой ровесник,
 Как лицо, что рдело, как гранит,
 Словно блин, ряды морщин рябят.

Медный гребень с головой коня
 Был на ремешочке у меня.
 Поутру расчесывался я,
 Вечеру причесывался я,
 Да и не заметил, мой ровесник,
 Как над лбом, где словно рос горох,
 Стало голо, словно чистый ток.

Два насеста белых кур имел я:
 Тридцать две, и все, как кипень, белы.
 Я зубами поднимал два пуда,
 Перекусывал витые путы,
 Да и не заметил, мой ровесник,
 Как мои насесты опустели,
 Как с насестов куры улетели.

Враг мой взгляд не выдержал ни разу,
 Не боялся я вовеки сглазу,
 Сам же гляну — дуб засохнет разом...

Различал коня я за пять верст,
Днем на небе видел россыпь звезд.
Как умру, зря пропадут глаза —
Даже жаль с такими помирать,
Но кому ж глаза мне завещать?

Секрет бессмертия мне не был дан.
Ни Керемет, ни Пюлех, ни Харбан¹
На помощь нам прийти, увы, не могут,
И где же мочь им, коль они — туман.

Я жертвы приносил, постился я,
Чтоб грош сберечь, я не жалел рубля,
А меж иконой и простой доскою
Различия так и не вижу я.

Я видел солнце, блеск ночных светил.
Богатым был и нищим я ходил,
Но кто же мне на склоне дней моих
Сомненье это в душу заронил?

Богаче ли стал мир со мной? Едва ли.
Беднее станет, коль уйду? Едва ли.
Так для чего же рос я, червь земной?
Чтоб снова меня в землю закопали?

¹ Чувашские языческие божества.

Кудесники мне жизни не продлят.
Так где же чудеса в подлунном мире?

Ни слово мага, ни волшебный яд
Не смогут сердце старца сделать шире.

Пускай попы пекутся о просфорах,
Мне все равно два века не прожить.

Мулла, перебирая четки споро,
Не свяжет дней оборванную нить.

Возьму-ка лучше скрипку и смычок,
Развею грусть хотя бы на часок.

Седого старца в парня превращу,
А бабушку девкой в танце закручу.

Пусть парни скачут в пляске, как песты,
Пусть щеки девок вспыхнут, как цветы.

Пока я жив, соседushки мои,
Забудьте-ка про бедушки свои.

А то, боюсь, как справлю новоселье,
Совсем заглохнет в Сиктерме веселье...

На скрипочке четыре лишь струны,
У света есть четыре стороны.
Вас тоже четверо, мои сыны.
Что мне сказать вам, что вам завещать?

Наперстком пьешь — и то недостает,
Пьешь братиной — и то в достатке мед.
Что лучше, коль живет в согласье род?
Ну, старший сын, как будешь отвечать?

Что голову в сомнении склонил,
Второй мой сын? Есть два конца у вил,
Но сноп один ты, глядь, на них навил.
Сам вдумайся, как это понимать.

Ты ль, третий сын, подносишь ковш старинный
В смущенье мне? Ты стал уже мужчиной...
Хоть средний палец самый длинный,
Все ж трудно одному, ты должен знать...

А кто поцеловал меня с душой?
Не сын ли несмышленый мой меньшей.
В семействе нашем баловень большой?
На нем пусть будет неба благодать!

Когда навек глаза закрою,
 Не лейте слез, друзья, родня.
 Не плачьте, люди, надо мною,
 В сырую землю хороня.

О дети, мы живем лишь раз,
 И честь всего одна у нас.
 Пусть на нее не сядет пыль —
 Пегиль!¹

Сородичи, единый корень
 Вырастил нас — колос, полный зерен.
 Путь вековой, мой род, осиль —
 Пегиль!

Соседи, дружба грела нас,
 Мой голос в памяти у вас.
 Запеть заставили не вы ль?
 Пегиль!

О земляки, по всем приметам
 Мы только гости в мире этом.
 Не в миг поймешь, где сон, где быть —
 Пегиль!

Земля родная, не томи,
 Ты жизнь дала, ты и возьми,
 Прими меня под свой ковыль —
 Пегиль!

¹ Пегиль — благословение (чув.).

Для гроба дуб я распилил на доски,
Чтобы живым не доставлять забот.
Пазы и щели залил желтым воском:
Весной вода вовнутрь не попадет.

И каждый день с тех пор зимой и летом
Смотрю я на приют предвечный свой.
Хочу проститься раньше с белым светом,
Чем сам он распрощается со мной.

Родился я, сжав пальцы в кулаки,
Как будто говоря: «Мой этот свет».
Умру, так обе разожму руки —
В моих горстях богатств не будет, нет.

Пятак в могилу бросьте, как ведется,
Чтоб под землей мог свет увидеть я.
Пусть у могилы песня раздается,
Пусть с плясками расходятся друзья.

Природа — я все больше в это верю —
Смеется над тобою, человек.
Единый раз лишь распахнутся двери
И, хлопнув, закрываются навек.

Откуда мы являемся? Кто знает!
Куда идем, покинув белый свет?
В песках сыпучих ветер замедляет,
С земли дожди смывают легкий след...

А сколько разноправных, разнолицых
Протопало по тем путям людей!..
И все же я на вспаханной земле
Хочу оставить след своих лаптей.

«Тилли загадку загадал нам, что ли?» —
Могли б спросить ровесники-друзья.
Что лапти! Я хотел бы, чтоб на воле
Осталась песнь любимая моя!

Меркнет взор. Пришел мой час последний.
 Я прошу утешиться, кто плачет.
 У души ушедшей есть наследник,
 Не пустеет белый свет наш, значит.
 Меркнет взор. Пришел мой час последний.

Я прошу утешиться, кто плачет.
 Соль от слез испортит даром зренье.
 Мы ведь рядом с теми, кто судачит
 О кончине нашей, о рожденье...
 Я прошу утешиться, кто плачет.

У души ушедшей есть наследник,
 И к чете всегда приходит нечет.
 Всех грачей весною спрячет ельник,
 А в отлет полнеба крылья мечет.
 У души ушедшей есть наследник.

Не пустеет белый свет наш, значит.
 Вон меня и внуки окружают.
 Жаль бездетных: ведь у них иначе —
 Им глаза чужие закрывают.
 Не пустеет белый свет наш, значит...

Меркнет взор. Пришел мой час последний.
 Разом все сбываются мечтанья.
 Что искал — обрел; желанья — бредни:
 В горсть земли вмещаются желанья.
 Меркнет взор, пришел мой час последний.

IV

ВЕК

Век, чадивший курным дымоходом,
Отошел, спотыкаясь впотьмах,
Озарилась мы новым восходом,
Свет иной загорелся в домах.

Догорела лучина, погасла,
Завалился светец — не сыскать.
И от порчи на щепочке масло
Не сжигает за печкою мать.

Страшен был старый вяз за оврагом:
Говорили, под ним — Киремет.
А теперь все проходят там шагом,
И никто не бросает монет.

Зори наши ясней и румяней,
На селе даже у пастуха
Вместо бирок — тетрадка в кармане,
И в музей попросилась соха.

ИНЧА

Обогнув лужок колечком,
В плавнях ласково журча,
За селом струится речка —
Наша светлая Инча.
Сквозь ольшаник еле-еле
Проберешься к ней весной:
Вихри выются каруселью
И черемухи метелью
Осыпают цвет густой.
Под черемуховой веткой
Я сложил немало строк...
Кто ж назвал тебя так метко,
Жемчуг, светлый наш поток?
Говорят, что Питтабаем
Наречены так твои
Серебристые струи.
Правда ль это, я не знаю,
Но на свете, ей-же-ей,
Не найти реки милей.
Может быть, другой чувашин
Эти воды отличил,
Жемчуг, Жемчуг — речка наша,
Жемчуг — светлые ключи?
Кто, скажи нам, в добрый час
Так назвал тебя, Инча?
Кто назвал — того уж нету.
Он, конечно, был поэтом,
А скорей всего — была
Та, что речку назвала.

Не бродила ль тут, мечтая,
Дочь того же Питтабая?
Целый мир, Инча, вместила
Ты в названии своем!
Но не только близкий, милый
Мир, в котором мы живем.
Нет, еще другой, привольный,
Хоть он вечно наг и сир,
Нас Инчи родимой волны
Заставляют вспомнить мир:
Берега лагун далеких
С шалашами рыбаков.
Россыпь звезд в грядах высоких
И прозрачных облаков,
И жемчужно-белой пеной
Окаймленные валы...
Мир отваги неизменной,
Мир, где люди — как орлы.

Только все ж, Инча родная,
Лучше всех земля простая
Та, где ты несешь свои
Серебристые струи.
Лейся ж, лейся вдаль, журча,
Наша светлая Инча!

МАМЕ

Полно, мама, взгляда не лови,
Не вздыхай за прялкой поминутно.
Сына в дальний путь благослови —
Ветерок с Инчи подул попутный.

Не забыть мне наш уютный дом,
Наш очаг, душе навеки милый,
Где за старым липовым столом
Молоком парным ты нас поила.

Полно, мама, нежностью своей
Крыльев мне не спутывай, родная,
За глухими створками дверей
Мир меня широкий ожидает.

Не стели мне мягкую постель,
В честь меня не надевай сурбана.
Белым снегом зимняя метель
Голову твою покрыла рано.

Не теперь, давным-давно, когда
Рос в деревне я ребенком малым,
Что с тобою будем мы всегда,
Ты, меня баюкая, мечтала.

«Вот кто будет в старости беречь
Мать свою», — ты думала, родная.
Только здесь не развернуть мне плеч,
И тебя я снова покидаю.

Не посетуй, что твои мечты
Я порой не исполняю, мама.
Вечно к солнцу тянутся цветы,
Реки к морю катятся упрямо.

Ты прости! Я кровь твоя и плоть —
Это сердцем, каждой жилкой знаю;
А теперь — отрезанный ломоть,
Тот, что не пристанет к караваю.

Но и там, вдали, я буду знать,
Что, коль есть в душе огонь и сила,
Это ты их отдала мне, мать,
И себя ни капли не щадила!

Милая, ты взгляда не лови,
Не вздыхай за прялкой поминутно.
Сына в дальний путь благослови —
Ветерок с Инчи подул попутный!

ИЗ ЦИКЛА «ЮЖНЫЕ МОТИВЫ»

К МОРЮ

Свинцово-черное вдали,
Поближе сине-голубое.
Таким казалось ты с земли,
Когда я свиделся с тобою.

Наш поезд полз из Туапсе
По кромке берега с опаской,
Но ты нам улыбалось всем,
Радужно расточая краски.

Вздыхались за одним окном
Хребты и кряжи хмурым строем,
А ты, лазурное, в другом
Дышало силой и покоем.

*

О волны! Мне ль вас не понять,
Не полюбить ваш говор мне ли?
Но сердце б я хотел унять —
Чего бушует, в самом деле!

Ему поменьше бы чуть-чуть
Пустых житейских треволнений,
Что не дают порой вздохнуть,
В которых вязнешь по колени...

Вот одинокая волна
На мокрой гальке зашипела.
Свой долг исполнила она,
Достигнув нужного предела.

А я? Заветный мой предел
Еще далек. И не досада ль,
Что на душу уже осел
Какой-то илистый осадок!

★

О если бы из тины быта,
От плена цепких мелочей
Уплыть в ту даль, где детство скрыто,
К истокам чистым первых дней!

Дни детства, искристые струи
Незамутненного ручья!
Как сердце в них омыть хочу я,
Как свежести их жажду я!

О песнь, из чистых струй напейся,
Прозрачной влаги зачерпни.
А после — широко разлейся.
Звени, свободная, звени!

★

Как Сеспеля¹ прозрачный стих,
Спокойно море, небо — тоже.
Вдали ни тучки, ветер стих.
Глядишь, и различить не можешь,

Где голубого неба гладь,
Где голубая гладь морская.
Как близнецы, ни дать ни взять,
Стихии нынче. Тишь такая...

¹ Сеспель Михаил (1899—1922) — основоположник чувашской советской поэзии.

Такой покой сулят они,
Так добродушны их улыбки,
Что в лодке, кажется, усни
И будешь как ребенок в зыбке.

Как будто стружкой сухой,
Шуршит прибой о берег ровный.
В молчанье замер мир огромный,
И на душе покой, покой...

Вернуться бы теперь в деревню.
Пусть будет осень, дождь и грязь
Хоть до ступиц телеги древней —
Добрался бы не торопясь
К тебе, родная, чтоб согрел мне,
Как в детстве, душу твой рассказ.

О мать, тебя, голубки кроткой,
И здесь, вдали, я не забыл.
Из крепких нитей сердца соткан
Твой образ мне все так же мил.
Твой голос, взгляд твой и походку
Люблю нежнее, чем любил.

Чуть над листом бумаги гладкой
Склонюсь, как звезды ночь зажжет,
Мне тихий голос твой украдкой
Песнь колыбельную поет.
Иль это море песней сладкой
Меня опять к себе зовет?

Вот тучи скрыли блеск лазури.
В их темных недрах зреет гром.

И, гневно гребни волн нахмутив,
Рожочет море за окном,
Но слышно мне в дыханье бури,
Что ты жужжишь веретеном.

★

Так вот когда черным-черно
Ты стало вдруг и мечешь в дамбы
Седое пенное руно.
Дай волю — ты ворвалось к нам бы
И город увлекло на дно
В игре, что не уложишь в ямбы.

Метни в открытое окно
Соленые крутые вихри!
Чего-то сердце ждет давно,
И кажется сейчас — не их ли,
Волн — белогривых скакунов,
Что в мыле все, а не притихли.

Изменчива стихий игра,
Глубоко пашет ветер-пахарь;
С горой сшибается гора,
Волна стремительна, как вяхирь;
А в тихой заводи корабль,
От бури скрывшись, бросил якорь...

Не шторм ли и в моей груди —
Распахнута в ней настежь дверца;
Звенит, рокочет и гудит
В ней шквала бешеное скерцо.
Корабль ждет гавань впереди,
Но некуда деваться сердцу.

О море, где же мой маяк,
Моя любовь, мой мирный отдых,
Где гавань тихая моя?
«А кто ж кричал, что он из твердых?» —
Ко мне презренья не тая,
Хохочут яро гребней орды.

Да, да! Я знаю, не до сна,
Не до любовных нынче вздохов.
Плелись волами времена,
А наша мчится вскачь эпоха,
А впереди — моя страна,
В ней не смолкает стройки грохот.

Не время отдыхать в пути
И петь свиданье и разлуку.
Мне надо дальше груз нести,
Хотя оттягивает руку...
Спасибо, море, и прости!
Я благодарен за науку.

★

Спокойна погода иль бури размах —
Звени, моя песнь, на высоких волнах!

О Черное море! Увидел и я
Далекой мечты золотые края.

Что знал я? Шум леса, лачуг горький дым.
Весь мир за околицей был мне чужим.

Теперь мне от моря до моря дана
Родная и милая сердцу страна.

Волнуйся, о море! Бушующий вал
О прошлом и будущем мне рассказал.

В легендах и сказках, и в песнях певцов
Давно я услышал неясный твой зов.

В извечно мятежных волнах узнаю
Слез наших скитальческих горьких струю.

Бросая политые потом поля,
Отглохшего бога о счастье моля,

Горсть отчей земли завернувши в тряпье,
Теря свой облик и имя свое,

В Туретчину с Волги чуваш уходил,
Да в полымя он из огня угодил!

Бежал он, а парус, белеющий здесь,
Его волновал, как о родине весть.

Бежал — у стамбульских неласковых стен
Страдания нового ждал его плен.

Бежал, но салам журавлиной весной
Он слал вместе с птицами Волге родной...

Волнуйся, о море! Не пасынок я,
Лишь берег советский — Отчизна моя.

Я славлю его, этот берег крутой,
Лишь здесь вдохновения вольный прибой.

Лишь здесь равноправен мой голос, мой стих.
Что, море, просить у тебя в этот миг?

Богатство, покой? Не нужны мне они!
Ты трепет сердечный во мне сохрани,
Не дай очерстветь и остыть мне душой...
Волнуйся, о море, пой песню со мной!

На горизонте белая зарница.
Над морем золотой тяжелый зной.
Дельфинов стая вдалеке резвится.
Проходят тучи будто стороной.
Но в них всегда заряды грозные.
Стою замороженный; как во сне,
Шепчу: «Прощай, свободная стихия!»
И море всплеском отвечает мне.

Порыв могучий штормы воскресили:
Мятежный, с непокрытой головой,
Он встал, пророк воспрянувшей России,
В обветренной крылатке предо мной...
Счастливей век: я, человек свободный,
Не знаю ни гоненья, ни цепей.
Мой голос над пучиной многоводной
Хвалу возносит Родине моей.

СУХУМ

Су-Хум. По-турецки — вода и песок.
Но в это название уже на подходе
Не веришь: так весел зеленый поток,
Так буйно пахучей листвы половодье!

Дома щеголяют своей белизной
И в солнечный день, и в ночи — под сияньем
Бесчисленных ламп... Только шири морской,
Должно быть, не по сердцу толпы и зданья.

Прибой, набегая, рокошет всю ночь,
Как будто стремится слизнуть с побережья
Игрушки-дома. Ветер горный не прочь
Ему пособить дуновением свежим.

Чуть воды зальют где-то там, в далеке,
Багровое пламя морского заката,
На голос прибоя бреду налегке
К белеющим в сумраке гривам косматым.

Поэт, не один карандаш ты изгрыз...
Что ищешь в прибое, в кипении пены,
В прохладных касаньях сверкающих брызг?
Какой бы хотелось тебе перемены?

Иду к рыбакам. Говорили они,
Что в светлую ночь Диоскурию видят
На дне этой бухты... Мол, хочешь, взгляни,
А моря не бойся: при нас не обидит.

Хочу ли? Да, да! Не боюсь ли? О нет!
И вот я с баркаса при лунном сиянье
На дне различаю какой-то предмет —
Скалу или рук человеческих созданье.

Но я о сомненье своем умолчал.
О нем рыбакам заикнись-ка, попробуй.
Презреньем я был бы сражен наповал.
К тому же и смысл усмотрел я особый

Во всей необычной поездке ночной
Над этой залитой водою Помпеей. —
Мне стало понятно, что люди с мечтой
Расстаться не в силах... И стали милее

И ночь, и луна, и друзья-рыбаки.
Что так помогли разобраться поэту
В причине его беспредметной тоски.
И первые тусклые блики рассвета.

И сам я, хандрить переставший, себе
Уже не противен безвольем. Напротив:
Воспрянувший к жизни, готовый к борьбе,
Я словно боец нынче в маршевой роте.

Бей, Черное море, волной в берега!
Судьба Диоскурий печальна, согласен.
Мне — вечно живая мечта дорога:
Ее никакая волна не погасит!

Бей, Черное море, в громадины скал,
Ворочай валами, бунтарь без программы,
Но тот, кто тебя морем Черным назвал,
Тот явно твою обеднил цветограмму.

Ты синее-синее, море мое!
В волнах, что о берег бьют мерно и хлестко,
Моряк, лишь взглянув, как и я, узнает
Цвета своей видевшей виды матроски...

Вон парус белеет на юге, а вон
Вздымается алое пламя восхода.
Все ярче и ярче горит небосклон,
Как будто на тьму ополчилась природа.

Сшибаются краски, как в битве полки.
Туман забелел... Миг — и нет даже следа.
Лишь синие струи блестят, как штыки,
Да солнце встает, словно знамя победы.

Ветер, ветер... мочи нет!
Рассвистелись на весь свет
Все пазы, все щели вдруг.
Так в оркестре каждый звук
Пред началом увертюры,
Знать не зная партитуры,
Некий малый срок настройки
Обособленно живет:
Звук унылый, нежный, бойкий —
Всяк свое пока несет.
Так с моим бывает сердцем
И с душой моей, когда
Вдруг почувствую, что деться
Невозможно никуда,
Что перо не взять — беда!
Слышу свист и тихий шелест,
Шорох, шепот, ропот слов;
Слышу, как слова распелись;
Захлестнуть меня готов
Их напев, что, как волна,
Ближе, ближе подступает...
Натянулась, уступая,
Сердца каждая струна.
Я пишу и твердо знаю:
Каждый стих мой на листке —
Это жизнь на волоске!

Ненастье. Осень. Ветер глухо
Стучится в дверь... Тоска в душе...
Кувшин на стол! Пусть медовуха
Шипит и пенится в ковше.
Я пью, и просто так, от скуки,
Нашептываю ветру стих,
Со всеми близкими в разлуке,
Вдали от сверстников своих,
Друзей, подружек, из которых
Немногих сберегли года;
Далек от юности, чей порох
Не вспыхнет больше никогда;
Далек от смелости лукавой,
Любви несбыточной дорог,
И даже от хулы, от славы
Сегодня я далек... Далек!

МЕТЕЛЬ

С воробьиною головку
Хлопья сыпались кругом,
А под вечер ветер ловко
Прихватил их холодком.

Как медведь, мохнатый, белый,
Туча к нам подобралась.
Закружило, завертело —
Мигом вьюга поднялась.

Вновь метель! Но не ворчи ты:
Лишь глаза на миг сомкну,
Вижу я в тухье расшитой
Ясноглазую весну.

Кто там легкими шагами
Ходит-бродит по двору,
Кто, стуча в окошко, с нами
Начал хитрую игру?

Вот легко взбежал пушистый
По ступенькам на крыльцо,
И на двери, как монисто,
Тихо звякнуло кольцо.

На стрехе шуршит солома,
А в избе — тепло, уют.
Хорошо сидится дома,
Если вьюги запоют.

И для сказок-неотвязок
Лучше нет поры в году
Той, когда зима с салазок
Дует в сильную дуду.

Мать кудель прядет, молитвы
Что ни час творя за тех,
Кто в пути с дорожных рытвин
Нынче сбился как на грех.

«Господи, — твердит, вздыхая, —
Помоги ты им дойти...»
Если б знала ты, родная,
Что твой сын всегда в пути,

Что обязан быть готовым —
В зной ли, в холод — день и ночь
В той дороге теплым словом
Он уставшему помочь;

Если б знала, что с годами
Путь для сына все трудней:
Чем щедрей горим, тем сами
Остываем мы сильней...

Как медведь, мохнатый, белый,
Туча к нам подобралась.
Закружило, завертело —
Мигом вьюга поднялась.

Все ж зима шумит напрасно.
Вьюга нынче не страшна:
К нам идет в тухье прекрасной
Ясноглазая весна.

В ПОЛЕ

Как лист неначатый, бело
Лежит под снегом наше поле.
А вот его пересекло,
Ну... многоточиями, что ли...

Тут цензор с рыжим был хвостом,
Не убережь такому шубы...
Вон там он крался за кустом,
На след зайчишки скаля зубы.

А тот, ловча, на свой же след
Нанес другой и третий снова.
Как будто труженик поэт
Искал единственное слово...

Вдали пустой маячит ток,
А вон амбар битком набитый.
Как зерен в нем, так мне бы — строк,
Какой я стал бы знаменитый!

А вон, в полуверсте от них.
Застыл вагончик трактористов,
Как позабытый всеми стих
Кого-то из конструктивистов...

КОТ

У старой матери моей
Бюро погоды — кот-мурлыка.
Скребет — жди снега иль дождей,
А повалялся — сушь накликал.

Терпел бы я — куда ни шло —
Кота, лишь дал бы знать мне с печки,
Что: холодок или тепло
У милой нынче на сердечке.

У ПРОРУБИ

У проруби лежит колода
В напльвах синих ледяных,
Ледок уже подернул воду,
Весенний ветер пьян и лих.

И вдруг красавица нагая
Наядой встала у воды...
Откуда здесь взялась такая?
Но есть приметы и следы:

Листочек банный на лопатке,
От бани стежка на снегу...
Вот облилась и без оглядки —
Назад, смеется на бегу.

Ледок опять подернул воду,
А ветер мартовский притих.
У проруби одна колода
В напльвах синих ледяных...

ЧАЙКИ

О крики чаек на рассвете
Над тихой волжскою водой!
Как будто разрыдались дети,
Проснувшись в комнате пустой.

Еще туман. И как-то странно
Мир неуютен, одинок,
Как будто хаос первозданный
Природу снова обволок.

Летают чайки и, не видя
Добычи сквозь туман сырой,
На что-то словно бы в обиде,
Кружатся с криком над рекой.

Но вспыхнет солнце золотое —
И мир становится другим:
И чайки, как и все живое,
Поют извечный солнцу гимн.

«ТИГУШЬ-ТИГУШЬ!»

У девочки глаза на редкость сини.
«Тигушь-тигушь!» — зовет она гусей.
В открытые ворота за гусыней
Идет весь выводок, послушен ей.

Лет пять иль шесть — не больше босоногой,
А уж хлопчет, трудится она.
Гусей впустила и смущенно-строго
Глядит в глаза мне, стоя у окна.

Вот вырастет, и доведется, может,
Ей где-то эти строки прочитать.
Себя в них не найдет: все гуси схожи,
Все девочки-чувашки ей под стать.

...«Тигушь! Тигушь!» И — сразу в горле сушь...
Где вы теперь, мои «тигушь-тигушь»?

В ЛЕСУ

Август. Кончилась росная ночь.
Заалел палый лист на суглинке
И пучки земляники — обочь
Чуть приметной забытой тропинки.

Лес притих. Птичьим песням конец.
И кукушка, видать, улетела.
В чьем гнезде рос кукушкин птенец?
Это ей знать... Какое мне дело?

Ландыш, чудом весной уцелев,
Смотрит весело ягодкой алой.
Над пеньком клен зовет нараспев:
«Посиди-ка ты, путник усталый...»

Ладно. Сяду. Пора отдохнуть.
В самом деле в пути притомился.
Тяжесть, горечь обид, жгущих грудь, —
Все — как сон, что под утро приснился.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ ВЕСНА

Февраль гудел в лесу и в поле.
Бросался снегом во дворе.
Он бушевал не от того ли,
Что было тихо в январе?

Но власть зимы, буянки хмурой,
Укоротил пришедший март:
Уж там и сям кудахчут куры
И утки крикают: «Нарт, нарт».

На солнцепеке, возле тына,
Копытом роя влажный снег,
Дородный бык трубит призывно
Хвалу извечную весне.

Скребницей конюх чистит Чалку,
С забора скрадом, под шумок,
Косится хитрым глазом галка,
Стащить нацелясь шерсти клок.

Готовя парники и вкусный
Вдыхая предвесенний дух,
О Выставке о всесоюзной
Мечтает огородник вслух.

Теплей и мягче воздух гулкий,
С крыш убирают снег кругом.
Блестят на солнце в переулке
Сосульки мокрым серебром.

Чернеет снег дороги вмятой,
Близка весна... Зиме капут.
Вот скоро матери ребятам
Пичужек разных напекут.

И мальчуганы, необычной
Стремясь достигнуть высоты,
Начнут бросать птенцов пшеничных,
Кричать до полной хрипоты.

— Эй, голубь, голубь, выше взвейся,
Лети во все, во все концы!
Пусть прилетят с тобою вместе
Назавтра к нам в колхоз скворцы.

Вот, слышно, дятел громко где-то
Стучится в крепкую сосну.
Мальчишка, шустрый сын соседа,
Давно почувявший весну,

Залез на дерево поспешно,
Как акробат, одним рывком.
Он чинит ветхую скворешню,
Постукивая молотком.

А дед гадает по приметам:
— Коль на окне в мороз узор,
Да снег большой, да дождик летом,
Так урожай придет на двор!

В те дни, как талая вода
Еще сверкает тут и там.
Власть ветерки поют всегда. —
Как передать их песни вам?

В сушь, коль не выпадет роса,
Вдруг дудочкой начнет играть
Метелка спелого овса, —
Как эти звуки передать?

Пронзительно вдруг вскрикнет гусь
Осенним утром на пруду.
И обуяет сердце грусть.
О чем? — Я слова не найду.

Заиндепевший храп коня...
Пофыркиванье на бегу...
Что в первопутке для меня,
Я песней лишь сказать могу.

Дождь прошел. Стал мягким мох,
Не шуршит, как в сушь.
Я в бору весь день бы мог
Вслушиваться в глушь.

Воздух, как цветочный мед,
Пить бы мне и пить.
Пусть в полет мечта зовет,
Ей — земною быть.

Там, в надзвездной вышине
И в мирах иных,
Не забыть вовеки мне
Радостей земных.

Заменить бы мне не смог
Всех миров простор
Этот мох, траву, песок
И смолистый бор...

Дождь прошел... Земля моя!
Пусть гроза, покой —
Все в тебе приемлю я:
Я и сам такой.

В бору свежо и тихо. Воздух росный.
Брусники капли. Муравьев возня.
Червонным золотом сверкают сосны.
Радушной солнце на исходе дня.
Одна мне дума тяжела, несносна:
Так будет вечно, только... без меня!

Над зеленым озером огни,
То горят кувшинок желтых свечи.
Кем же зажигаются они?
Близко он живет или далече?

В озере глубоком отражен
Лес прибрежный, словно трехэтажный:
Краснотал внизу, с дубками склон,
А повыше — сосны встали важно.

Ты воскликнешь: «Это красота!»
И да будет так, как есть от века.
Пусть же все прекрасное всегда
Видит мир глазами человека.

v

ЛУНЯНКА

Говорит легенда наша:
Проживала встарь в деревне
Злая мачеха с сироткой —
Падчерицей нелюбимой.

Бабе вздумалось под праздник
Наварить побольше пива.
Целый летний день носила
Из реки сиротка воду.

А воды все было мало,
Все приказывала баба:
Даже на ночь глядя плечи
Подставляй под коромысло.

Наконец в глухую полночь,
Падчерица так устала,
Что с трудом пустые ведра
Понесла к реке обратно.

Зачерпнула воду, еле
Подцепила коромыслом
И к луне она взмолилась,
Что висела над рекою:

— О Луна! Хоть ты меня бы
Пожалела, сиротинку, —
Облегчила б мою ношу,
Помогла б нести мне воду.

Тут луна к реке спустилась,
Посмотрела на сиротку:
Хороша, скромна, лишь плечи
Оттянули книзу ведра.

Пожалела дочь земную
Бледнолицая планета,
Пожалела, полюбила
И взяла ее с собою.

Каждый вечер в полнолуние
На луне с тех пор чуваша
Видят девушку; прозвали
Уйыхпи ее, Лунянка.

Как была она в ту полночь —
С парой ведер, с коромыслом,
Так ее и видят люди,
Видят грустной и усталой.

Говорят, затосковала
По земле она родимой,
Ждет: когда же нареченный
Прилетит с Земли за нею?..

В наши дни, как я услышал,
Продолжается легенда,
Простодушные селяне
Говорят, шутя, с улыбкой:

— Уйыхпи! Тебе недолго
Ждать теперь уж остается —
Неприменно прилетит он,
Твой земной, твой нареченный!

А другие добавляют:
— Вам не кажется, что нынче
Уйыхпи светлее смотрит,
Веселей Лунянка стала?..

Уйыхпи! Лунянка наша!..
Как я рад, что я — свидетель
Воплощения легенды,
Смелой, светлой, человеческой.

О крылатое дерзанье
Мысли гордой беспокойной —
Видеть близкими, родными,
Обжитыми все планеты!

Мы найдем тебя, Лунянка,
Прилетим и прилунимся.
Ты — мечта тысячелетий,
Что сбывается отныне.

До свидания, Лунянка, —
Золотая сказка детства!
Подожди еще немного —
Скоро встретимся, я знаю!

СВЕРШИЛОСЬ!

1

Свершилось! Сквозь чащобу флагов,
Под радугой зажженных ламп —
Москвой, Варшавою и Прагой —
Неси меня, упругий ямб!

Неси Парижем и Белградом
И Лондоном средь тесноты,
Неси Берлином и Багдадом,
Неси меня Нью-Йорком ты.

Неси Гаваною и Дели,
Алжиром — тишь там иль гроза.
Неси, чтоб на меня глядели
Родные, ясные глаза.

Родные по земле Советов,
Где я живу, где отчий дом,
Родные по планете этой,
Где все покуда мы живем.

Пока к фамилии Гагарин
Искал я рифму, не один,
Наверно, вспомнил об Икаре
Земли зеленой нашей сын.

2

Так! Не легенда, не преданье:
Живой, взволнованный, земной,
Со счастьем первого свиданья
Валетел он к звездам в мир ночной.

Освобожденным Прометеем,
Как вызов бывшим всем богам,
Поднялся, верен тем идеям,
Которые даны векам.

«Что, если боги в наказание
Его на Землю не вернут?
Что, если?..» Затаив дыханье,
Весь мир сто восемь ждал минут.

3

Зовет наш клич: мир без оружия!
Без страха жизнь — для всех, навек!
Чтоб женщин не было безмужних.
Чтоб не было мужчин-калек.

От ран-щелей излечим Землю, —
Пускай хлеба растут кругом.
Пусть пахарь жаворонку внемлет.
Не помня про снарядный гром.

Пусть миллионам неизвестных
Солдат, из золота отлит,
Один-единственный, всесветный
И вечный памятник стоит.

Пусть «в мир» играют наши дети.
А не «в войну», как до сих пор.
Пусть добрый атом людям светит.
На новый их ведя простор.

Отныне измерять нам смелость
Клинками формул, теорем...
Еще немало в мире дела —
Америке, Европе — всем!

Я был солдатом Сталинграда,
 Что к этому прибавить мне?
 Мне выпала судьбы награда —
 Живым остаться на войне.

Сердца мильонов и мильонов —
 Красивых, сильных, молодых —
 Стучатся в грудь мою, и стоны
 Предсмертные я слышу их.

Стонавшие на поле боя,
 На хирургических столах —
 Они пожизненно со мною,
 Священен для меня их прах.

Освенцима я вижу пепел,
 И Бабий Яр, и Маобит,
 Где в мрачном и холодном склепе
 Джалилия дух еще скорбит...

Мне нет покоя и не будет,
 Пред ними в вечном я долгу.
 Пускай меня их гнев осудит,
 Когда хоть строчкой я солгу!

Не всем посвящены поэмы:
 Откроет время имена.
 Кто больше, кто поменьше — все мы
 Причастны к чуду, вся страна.

Шли трудно мы к нему, упрямо,
 Не зная милостей судьбы.

От первой боевой программы
До третьей — столько лет борьбы!

Но над рядами поколений
В дни бурь и яростной грозы
Одно сверкало имя — Ленин,
Как знамя, клятва и призыв.

Его энергии разряды,
Как бы реакцией цепной,
Пронизывали лет громады,
Заряд передавая свой.

И расщепленный нами атом,
И наш космический герой —
Все виделось орлиным взглядом
В огнях «Авроры» над Невой.

6

Я замечаю, что все чаще
Смотрю теперь на небосвод.
Какой звезде, вдали дрожащей,
Моих раздумий ясен ход?

Мне чудится, что в этой ночи
Иными стали звезд лучи:
Светлинка каждая нам хочет
Открыться в чем-то, и молчит!

Как будто для разгадки мира
Еще не найдены слова.
Но в космосе не так уж сиры
Мы, мыслящие существа.

Земля моя, тоска земная!
Люблю слова я «быть» и «свет».
Тоскую по мирам, не зная,
Кто есть там и кого там нет.

«Да будет свет!» — вложил я богу
В уста, создавший бога сам.
Свет разума! — Лишь с ним в дорогу
Стремлюсь я к новым небесам.

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ДНИ

1. ЖАР-ПТИЦЕЙ ЛЕТИТЕ!

Жар-птицей летите!

М. Сеспель

Добрый путь, чувашский Сокол,
Украинский Беркут!
Высоко же, ой высоко!
Все легенды меркнут.

Вы взметнулись, как жар-птица,
В солнечные дали.
Хорошо ль вдвоем летится?
Что на сон читали?

Мать не спит над Волгой где-то,
Над Днепром — другая.
Не смыкают глаз поэты,
Вам стихи слагая.

Но какими мне словами
Выразить все чувства?
Беден я в сравненье с вами,
Как это ни грустно...

Верю, вас Отчизна встретит
В заданном районе.
Пусть хотя бы строки эти
Вас в пути догонят.

А со мной, как голос крови,
Будет чувство долга...
Здравствуй, Беркут Приднепровья!
Здравствуй, Сокол с Волги!

2. ЧЕТЫРЕ ДНЯ. ЧЕТЫРЕ НОЧИ...

Есть дни такого просветленья,
Когда слова «вражда» и «месть»
Постыдны, словно преступленье,
Я не могу их произнести.

... Четыре дня, четыре ночи
Я слушал музыку вершин.
Кровь в сердце все еще клокочет,
Как будто подвиг сам свершил.

К их мужеству дерзання, к счастью
Открытья, полному тревог,
Мне кажется, и я причастен
С бессонницей вот этих строк.

Взлетели с Лермонтовым в небо
И со священным словом «мать».
Им на планете нашей мне бы
Одно хотелось пожелать:

Влюбленным в звездный мир и солнце
Всею силою земных страстей,
Вовек пусть людям не придется
Стрелять в людей!

3. МАТЬ КОСМОНАВТА

*Анне Алексеевне
Николаевой*

Рука еще дрожит, грудь ноет глухо...
Не сняв платка, освободила ухо.

Прикладывает трубку, чуть вздыхая.
Над черною пластмассой прядь седая.

Секунда — словно час, минута — сутки.
А люди так заботливы, так чутки.

Налаживают связь телефонистки...
Вот голос, наконец, — родной и близкий.

«Анне!» — сказал он по-чуваши: «Мама!»
Впорхнуло слово птицей в сердце прямо.

Вступая в мир, во всех углах планеты
Мы первым произносим слово это.

Заветное он к звездам поднял слово
На крыльях сердца своего земного.

Речь матери, как песня, зазвучала,
Как будто колыбельку мать качала.

Не видя слез ее, глаз просветленных,
Он слушал, благодарный, умиленный...

4. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ЕЛЕНЕ

Не Прекрасною Еленой,
Не в особый день и час, —
Родилась обыкновенной,
С угольками черных глаз.
Для меня же ты прекрасней
Всех троянок, всех Елен.
Спи, дочурка! Месяц ясный
У кремлевских светит стен.

Твой отец — чувашский Сокол,
Мама — русская твоя.
Высоко же — ой, высоко!
Поднялись мы, он и я.

Может, там была и качка, —
На земле бы лишь покой.
Спи, чувашечка-русачка!
Наши крылья над тобой.

Папа — с Волги, мама — с Волги,
Родилась москвичкой ты.
Жить тебе век долгий-долгий
И исполнить все мечты.
Вырастай же смелой, сильной,
Чтоб гордилась вся семья.
Для меня ты всех красивей.
Спи же, звездочка моя!

ЗДРАВСТВУЙ, СТАРАЯ РОДНЯ!

Ангелу Тодорову

Как кровь моя бурлила и кипела,
Неся меня в далекий этот край!
Чтоб слово каждое сверкало, пело,
Гори ты, сердце, факелом пылай!

Сбывается мечта моя отныне:
Болгарская земля передо мной.
Минуя Русе, в предрассветной сини
В Софию мчусь волнующей весной.

Тысячелетней старины преданья
Вдруг ожили среди цветущих роз.
Земной поклон, сердечные признанья
Единокровным братьям я принес.

Бургас и Янтра и Мургаш и Варна
Ласкают слух мой, как родная песнь.
Какой наш пращур с мыслью благодарной
Все эти имена оставил здесь?

Так долго было прошлое в тумане...
Болгария, завесу приоткрой!
Сородичи мои, отныне станем
Родными навсегда в семье большой.

«Болгарин» — это слово всюду с лаской
Произносилось искони у нас.
Оно как «бунт» звучало — по-чувашки¹,
И он настал, твой долгожданный час.

¹ По-чувашки слово «пълхар» значит «болгарин», «пълхавр» — «бунт», «восстание».

Восстал ты, закален в борьбе упорной,
Мечтавший о свободе пять веков.
Нет! В рабстве не был ты рабом покорным:
Хранил свой гордый дух, язык отцов.

Я далеко жил от тебя, надолго
Историей с тобою разлучен.
Порою бушевал, как в бурю Волга,
Порой молчал я, подавляя стон.

Но камень мук тяжелых и страданий
Не смог души народной раздавить:
Сберег я, праболгарин стародавний,
Язык, что сталь способен разрубить.

Там в годы яростной борьбы недаром
Назвали «волжским бунтарем» меня.
Сегодня, перейдя Дунай, я с жаром
Воскликнул: «Здравствуй, старая родня!»

Восторженный вхожу в твои я сени,
Как верующий входит в некий храм.
Сниму я шапку, встану на колени
И передам сердечный наш салам.

Ты чувствуешь тепло в нас Аспаруха¹,
Тепло всех тех, что с ним сюда пришли?..
Мы — братья и по крови и по духу
Во имя братства всех людей земли!

¹ Аспарух (646—700) — основатель болгарского государства.

БЛАГЕ ДИМИТРОВОЙ

В краю, что назван «рай земной»
Народом с нежной ласкою,
Хочу поговорить с одной
Сестрой моей дунайскою.

Над Волгою, в тени дубов,
Мечтал еще в тумане я:
«Болгария — моя любовь
Пожизненная, давняя!»

Не зная черт ее живых,
Я жил тогда легендами:
У нас немало было их —
И с радостью, и с бедами.

В воображении не раз
Смотрел в глаза Болгарии
И видел я из тысяч глаз
То синие, то карие.

Ведь жили в сердце у меня
Балканы вместе с Азией,
И было сердцу, как родня,
Все это разноглазие.

В славянскую вливалась кровь
Кровь праболгар столетьями,
Как с финнами среди дубров
Смешались мы впоследствии...

Так уносился вдаль, в века,
Давным-давно прошедшие,
Не зная ни о вас пока,
Ни о грядущей встрече я.

Мелькал среди неба синевы
Какой-то образ сказкою.
Быть может, это были вы,
Сестра моя дунайская?

Не синь сияла ль ваших глаз,
Загадочно-маящая?
Бедней Болгарии без вас —
Вот песня настоящая!

ВЕНОК ГЕОРГИЮ ДИМИТРОВУ

Его лишь раз я видел близко —
В том памятном году, когда
На поединке исполинском
Он сам судьёю стал суда...

В Москве февральской выступал он
Едва ли не в прилета час.
Пожалуй, выглядел усталым:
Весь мир до этого потряс!

Но легкий, стройный и красивый
Всей красотой бытия,
Смотрел он юношей счастливым,
Мечтательным, сказал бы я...

...В софийском мавзолее белом,
Едва переступил порог,
Его застывшим, онемелым
Никак представить я не мог.

Я видел сквозь усы седые,
За веками закрытых глаз
Черты все те же, молодые,
Увиденные в первый раз.

Их годы не сотрут, наверно,
И в сердце подвиг мне его
Записан навсегда примером,
Как веры нашей торжество.

**В себя вобравший все невзгоды
Родимых гор, всю страсть борьбы,
Он молодостью был народа
И стал звездой его судьбы.**

НИКОЛА ВАПЦАРОВ

За несколько часов до смерти
Он думал только о живом.
«...Я умираю? Нет. Не верьте:
Той не умира!»¹ — мы поем.

А кто он, что не умирает?
Хаджи Димитр и Ботев он,
Бенковский, Каблешков и Райна...²
Все, в ком народ мой воплощен.

Немало их в столетьях рабства,
Апостолов свободы, их,
Кому протянет руку братства
Через века мой каждый стих.

Пусть мало строк: не в кабинете
Слагал их в мирной я тиши;
Их взор эстета не заметит,
Они — как крик моей души.

Мой стих — солдат. Рождался где-то
Меж выстрелом и взрывом он.
Я действовал. Труднее это.
И вот к покою пригвожден.

¹ Слова из стихотворения Христо Ботева «Хаджи Димитр»: «Той, който падне в бой за свобода, той не умира» («Тот, кто падет в бою за свободу, тот не умирает»).

² Герои национально-освободительного движения Болгарии XIX века

Скучают руки, млеют ноги.
Теперь сюда, строка, сюда,
Чтоб мне у смерти на пороге
Последний нанести удар.

Осмыслить главное, что было,
Что есть, что будет впереди...
В одну обойму вжать все силы
И — в цель, всю сразу разрядить!

О жажда жить и блеск голодный
В зрачках среди смертельных мук!
А ты с вниманием холодным
Стараясь смотреть вокруг.

«Борьба жестока и эпична...
Но не далек уже тот край,
Где каждая свободна личность:
Любую долю выбирай...

Гремят засовы... Лишь бы гордо
Пройти последний этот путь...
Отчизна, дай мне силу, твердость!
Прощай и помни. Не забудь...

Прощай, Болгария, и — здравствуй!
Мы будем вновь еще с тобой,
Когда во имя мира, братства
Ты встанешь на последний бой...»¹

За несколько часов до смерти
Он думал только о живом.
Он умер? Нет его? Не верьте:
С такими в вечность мы идем.

¹ Слова из последнего стихотворения Н. Вапцарова, написанного в тюрьме за несколько часов до расстрела фашистами 23 июня 1942 года.

В СОЗОПОЛЕ

В Созополе, в приморском ресторане.
Не молкнет песнь о храбром капитане.

Обветренные юноши болгары
Поют ее негромко под гитару.

Перебирает струны парень смуглый,
Вихрастый, крутолобый, брови круглы.

Тельняшка, куртка и платок узорный
Завязан в два узла на шее черной.

Моряк бесспорный! Моряки и эти,
Что с ним поют, забыв про все на свете.

Проводят мирно и приятно вечер
И чувят, как крепчает с моря ветер.

Допьют вино и встанут с песней этой
И двинутся к Бургасу до рассвета.

Платки развяжут, с тральщика помашут
И «по-корсарски» головы повяжут.

А море Черное ревет, бушует,
Лишь смелому суля судьбу большую...

Созопольцы, хорошие вы парни!
В душе светлей, и день мой лучезарней.

**Смотрю на вас и становлюсь моложе,
На синие просторы мне бы тоже...**

**Спасибо вам за дружбу и за песни!
Так хорошо мечтал я с вами вместе.**

**Красивые! Не зря ваш край, ребята,
Был назван Аполлонией когда-то!**

За моря, за горы
Жизнь меня бросала.
Радости и горя
И всего хватало.

И какие волны!
Сколько вьелось соли!
Вытравлять? Да полно:
Солью лечат боли.

Мне в пути отрадно,
Путь последний где-то...
Все ловлю я жадно
В перископ поэта.

Для себя? Пожалуй.
До всего мне дело.
Недовольство малым! —
Вот чего б хотелось.

Говорю пред веком:
Пусть негромким — все же
Времени был эхом
Голос мой тревожный...

Я не знал доныне,
Что земли болгарской
Горы и долины
Дивны, будто сказка.

Всю б тебя своюю
Сделать мне, планета!
Только не успею:
Краток век поэта.

Но мечта крылата,
Пойте об Икаре:
Он упал когда-то,
Чтоб взлетел Гагарин.

До свиданья, други!
Не скажу: «Прощайте»...
Слово взяли руки:
Горячи объятья.

Гроза в Балканах... Помнишь? Вскоре
Пред нами радуга зажглась:
Один конец был где-то в море,
Другой — в лесу предгорья гас.

...Гроза. И молния змеилась.
Бродило эхо среди дубрав.
Но ничего не изменилось.
Казалось так. Я был неправ.

Грозой, взрывающей породы,
Сжигающей в горах дубы,
Вошла ты в жизнь мою — на годы...
И не уйти мне от судьбы!

В предгорьях Стара-Планины так глухо, —
Лишь лай собак в пастушеских домах.
Последние цветы «кърпи кожуха» —
«Шей шубу» — показались на холмах.

— Шей шубу... скоро снег! — с улыбкой шутку
Мне бросила, шагая рядом, ты.
Я на цветы смотрел, и стало жутко
От поздней их, жестокой красоты.

Большие фиолетовые чаши
Доверчиво раскрылись октябрю.
А там — зима... Они, как души наши...
За все, за все тебя благодарю!

Не надо карточки показывать:
«Какой была я молодою!»
Не надо прошлое рассказывать:
Того, что было, я не стою.

Нам будущее уготовано,
Которое для нас тем краше,
Что не мое и не твое оно,
А наше!

Прощай и — платок...

В. Незвал

Я ждал в твоих письмах намека
На что-то заветное, наше...
Вдруг стала такой ты далекой:
Стоишь и платочком мне машешь.

В глазах отрешенность. Но это
Не годы твои, не усталость.
У нас говорят: «Бабье лето»,
Оно за тобою осталось.

Придет с поздней буйной отавой.
С теплыню, пока не запели
Дожди над дубравой ржавой,
Там — первый снежок и метели...

А там — заметет все дороги.
Остынешь. И все станет ясно.
Лишь я буду вечно в тревоге...
Ну что же! И это — прекрасно.

VII

ВЗДЫБЛЕННЫЕ ВОЛНЫ

1

Переклякаясь в поднебесье, гуси
Над Родиною Райниса летят.
Чувашской музы — есть такая! — гусли
Звенеть готовы кликам этим в лад.

Вновь даже домовитого куда-то
Зачем-то тянет — в помыслах раздор,
И все тебе чего-то маловато...
Передо мною Балтики простор.

Мутна вода, и одиночки-льдины
Пока еще припудрены снежком.
Чирки, нырнув, показывают спины,
Сбивает с курса чаек ветерком.

В прибрежном парке женщина сгребает
В большие кучи прошлогодний лист:
Пусть молодой траве он не мешает
Узнать, как мир приволен, как лучист.

Опавший лист в костер идет сегодня,
Дымится тленом тронутая медь...
Я сам уже не лист ли прошлогодний?
Ведь дважды никому не зеленеть!

Я верю граблям времени, что чистят
Сад жизни, загребая всякий хлам.
И если строки высохли, как листья,
Пусть не мешают молодым росткам.

Скажу и больше: коль увижу сам я,
Что помешал надежному ростку,
То брошусь в очистительное пламя
И горькой струйкой дыма потеку...

2

Во многих странах подаю я голос.
Бывает, и по-русски лажу стих,
Но только ветер с Волги тронет волос,
Кладу листы в сторонку: не до них.

Когда влетает этот ветер в душу,
То прочь уходит надолго покой.
Становишься вдруг замкнутее, суше
И сам не свой ты ходишь день-деньской.

Ты споришь с ним, а он поет трубою,
То нежно, то надрывно он поет.
В страданиях, в исканьях пред тобою
Чувашская история встает.

И думаешь: «Должник ты неоплатный
Пред прошлым и пред будущим... Не стой!»
И по стране ты мчишься необъятной
С единственной спутницей — мечтой:

Поднять родной народ еще немного —
Пусть знает мир, как можем мы дерзать;
Язык наш вынес трудную дорогу
И он о многом может рассказать.

Последний миг настигнуть может всюду —
В лесах, в степи — Отчизна велика...
Коль надписи я удостоен буду,
Пусть на чувашском будет та строка.

Хочу я встретить смерть свою на Волге,
 Но где — как знать? — зайдет с ней спор
 недолгий!

Коль быть при том друзьям моим случится,
 Хочу одним желаньем поделиться:

Когда погаснет взор и кровь остынет,
 Пусть тот, кто саван на меня накинёт,

Сначала вынет сердце, чтобы взял
 Его народ, что жизнь мне даровал.

А где его родной земле предаст он,
 Решит он сам: он это сделать властен.

Одно бы знал: я сделал все, что мог, —
 Служа ему, я сердце не берёг.

Строчит мой друг обеими руками —
 Его машинку слышно через дверь.
 Мне Константин¹ наш вдруг пришел на память:
 Ему бы то, что есть у нас теперь.

Из дуба он машинку изготовил,
 Чтоб песня обошла весь белый свет.
 О, как мечтал он о печатном слове,
 Не выпустивший сборника поэт!..

Он пишет — ну, не чудо ли чернила!
 Зачеркивает... Кругом голова!
 Чтоб песня обрела красу и силу,
 Он ищет лишь бессмертные слова...

¹ Чувашский поэт Константин Иванов.

Строчим, стучим мы — буквы, как мечтал он,
Ложатся что на белый снег — следы.
И книг своих сейчас у нас немало,
И все ж нам до «Нарспи»¹ — как до звезды!

5

Все пристальней гляжу на оком
И, вспоминая край свой, писем жду.
На Волге, видно, самый ледолом,
Играют льдина с льдиной в чехарду...

Люблю я дни, когда свой белый сон
Природа непреклонно гонит прочь.
Звучит в душе капли вешний звон,
И этот зов никак не превозмочь.

Он, словно кровь цыганская, меня
На поле гонит, в лес, к кипенью рек.
Оглобли вверх, стреноживай коня
И под шатром готовь себе ночлег!..

Но этого уж нету — век не тот! —
И в Шубашкаре на откос друзья
Идут лишь посмотреть на ледоход.
Меня не видят. Только с ними я!

6

Покоя не ищу. У славы
Я ~~в~~ был в батраках ни дня.
Забудут? Первого ли, право?
Сам труд — блаженство для меня.

¹ «Нарспи» — поэма Константина Иванова.

Что ж, деду-табакуру — трубка,
Юнцу любовь милей всего...
Ласкаю слово, как голубку,
Пред тем, как в мир пустить его.

Коль чувства этого не зная,
Хотят стиха раскрыть секрет,
Я только сумрачно вздыхаю:
Еще не родился поэт...

7

Вздыхает море... Не такое
Пред взором мысленным моим —
Не серое, а голубое...
И солнце, словно жар, над ним!

Едва оно касалось края
Зелено-голубой волны,
Шипело, помню, угасая,
Среди вечерней тишины.

Ах, знаю, что не так все было.
Я сам тогда душой пылал —
Шипеть спокойное светило
Воображеньем заставлял...

Бродил я по стране горячей,
Горяч был, да остыл, утих,
О всех обидах, незадачах
Лить слезы или вылить стих?..

Вздыхает море шумно, грозно...
То стихнет, то плеснет сильнеей.
Не будоражь меня ты: поздно —
Другое в памяти моей!

Проверен лад, смычок подкручен,
 На деку подбородок лег —
 И мир мелодией озвучен,
 Что музыкант в душе берег.

Лети, стремительное скерцо,
 Звени, заставь светиться миг.
 У юных пусть пылает сердце,
 Пускай утешится старик.

Пусть улыбнется он, припомнив
 Обличье юности своей...
 Путь к истине... Шипов и комьев
 Немало на дороге к ней.

С пригорочка яснее видишь,
 Как легче было бы шагать.
 Но ты колдобины одни лишь
 Встречал бы на пути опять...

Жизнь норовила под микитки,
 Аж искры сыпались из глаз.
 «Не лучше ль собирать пожитки?» —
 Уныло думалось подчас.

Но скрипка и моя звучала
 И спела, что могла, сполна.
 Не всем, быть может, слух ласкала,
 Но не фальшивила она.

«В руках кормилица-соха,
 В сердцах у нас отец да мать...»

Легко за эти два стиха
Я мог бы том своих отдать!

Бессмертный мастер, где ты жил?
В каком роду? В который век?
Какие песни ты сложил
И вечный где обрел ночлег?

Землицу отряхнув с лаптей,
Ты борозду прямую вел
И вдруг нашел мечте своей
Неувядающий глагол.

Грач, как гадалка, за тобой
Следил, внимал звучанью слов,
Как будто к выси голубой
Их понести он был готов...

Ковш поднимая на пиру,
Ты в нем свой разум не топил.
Собрат, товарищ по перу,
Ты песню радости творил!

Благ за нее не получал —
На что же соловью они?
Зато напев не отзвучал —
Попробуй это оцени!..

Обычай наш, мечты, тоска —
Две строчки, словно благодать! —
«В руках кормилица-соха,
В сердцах у нас отец да мать...»

Давно я не был здесь! Верхушкой,
Кажись, кивнула мне сосна:

Мы знались некогда друг с дружкой,
И «здравствуй» молвила она.

Иль тут смешно с людскою меркой
Искать чуть не родства мне душ?
Стройна, но зелень только сверху,
А ниже сучья голы... Сушь...

Стоит, как будто бед не зная...
Кругом соседи разрослись,
Ее макушка небольшая
Сквозь кроны их стремится ввысь...

Я думаю о грешном теле
Своем, что сохнет уж давно:
С годами, видно, в самом деле
Зреть только голове дано...

Плывут над кроной друг за дружкой
Лебяжьи стаи облаков.
Красива пышная верхушка,
А все ж мне жаль сухих суков...

11

«Нимене! Нимене!» —
Клич, бывало, звучал.
На подмогу родне
Поднимал он сельчан.

Осыпается рожь —
Сам забудь тут о сне
И друзей потревожь.
«Нимене! Нимене!»

Жать хлеба, иль косить,
Или сирды метать,
Или избу рубить —
Как народ не позвать?

Что ты можешь один?
И из глуби веков
Со жнитва, с луговин
«Нимене!» — слышен зов.

Хоть просторна земля,
Да вот клином сошлась
На меже, где быля
Полоса поднялась.

Сжать нуждой белый свет.
От избы — никуда.
«Нет жены — долга нет»,
А колья есть, что тогда?

В доме деток полно.
Лет с семи дочь прядет.
Холст, сукно иль рядно —
Все на дело пойдет.

Срок пришел бить кудель,
И звенит в тишине,
Как в бору — птичья трель:
«Нимене! Нимене!»

Руки трудятся всласть,
Тут и мысли простор;
Любят родичи, страсть,
Чтобы ум был остер.

Труд — твоя колыбель,
Возрожденный народ!
В небесах, на земле ль
У нас дело идет.

И чем дело трудней,
Тем бы голос, по мне,
Подавать посильней:
«Нимене! Нимене!»

12

Смотрю я в глубину времен:
Отец и сын... костер дымится...
Привстал старик, в чуб сыну он
Воткнул перо какой-то птицы.
«Выш-ваш!» — я слышу, как сквозь сон, —
Пусть сын, как птица, ввысь стремится.

«Выш-ваш!» — как сильное крыло,
Шуми, взлетев, сверкай на солнце!
Пусть окрылит тебя перо,
Пусть сильной плотью облечется! —
...Двух пращуров перед костром
В мечте увидел я, сдается.

Мысль ближе к нашим дням спешит.
В ларце истории копаюсь.
Язык чуваш, преданья, быт —
Истоки их найти пытаюсь.
Казалось, что тут удивит?
И все-таки я удивляюсь:

Чудь, меря, весь — да, тьма племен
Ушла от нас почти бесследно.

Что черепки — ведь без писем
Все прошлое — бедно и бледно!
А ты, народ мой, возрожден
И продолжаешь путь победно!

13

...От града белого,
от волны со звездой
спаси нас...

Из старинной молитвы

«От волны со звездой...» — я воочью
Вижу яростно вздыбленный вал,
Вкось летящие пенные ключья,
Устрашающий белый оскал.

«От волны со звездой...» — знать, немало
Этих волн повстречал ты, чуваш,
Знать, молитва не всем помогала,
Не всегда вызволял и кураж.

Глядь, тем вздыбленным валом гремящим
Половину гребцов унесло...
Уцелевший на судне ледащем,
Дух крепя, налегал на весло.

Чтоб на стрежень истории ныне
Мы, наследники, выплыть смогли
И в любую волну без унынья
Новый ходкий корабль повели.

«От волны со звездой...» — поцветистей
Ищет слово присяжный певец.
Исполать! Но куда сноровистей
Ты, народ мой, поэт и мудрец!

Дни мчатся, волчком нас крутя,
 Границы их не растянуть.
 Двадцатого века дитя,
 В нем кончу я жизненный путь...

Придет «шестьдесят...» — но какой?
 А может быть, «семьдесят...» все ж?
 Но дальше стремлюсь я мечтой:
 «Что будет?» — мне вынь да положи!

Среди суеты, маеты
 Нет-нет да на ум и придет:
 Какой же, земля, будешь ты,
 Ну, скажем, в двухтысячный год?

Взглянуть хоть единым глазком
 На внука бы мне своего:
 Дубина ли с крепким сучком
 Иль солнце в руках у него?

— Не бог человек, — мне твердят, —
 В нем истины свет, в нем и мрак, —
 Двадцатого века дитя,
 Кричу я: — Да будет не так!

Я видел руины и кровь,
 А там новой бойни хотят,
 Сраженья планируют вновь —
 Недорого стоит солдат.

И если в двухтысячный год
 Обман, тиранию и смерть
 С собой человек принесет,
 Мне лучше сейчас догореть!

Нет! Разум сильнее ружья!
Пусть зреет, как солнце, светя!
В людские сердца верю я —
Двадцатого века дитя.

15

Любуюсь я погожим днем
У края дюны безголосной.
Гудят о чем-то о своем
И шепчут сосны.

Шумят и гребни волн вдали.
Я слышу говор их невнятный.
Но что б они сказать могли?
Мне непонятно.

Крик чайки пререзает высь.
Он — словно плач, обиды полный,
И только небо сверху вниз
Глядит безмолвно.

Взмыть к солнцу чайке не дано,
То смотрит на нее с улыбкой.
Ей остается лишь одно —
Нырнуть за рыбкой.

Вверх мысль моя устремлена,
И это видят сосны, птица,
Но под ногами все она —
Земля... земля...

Диктует жизнь, и я в тетрадь
Вношу с ее подсказки строки,
А то, что должен я сказать,
Дождется ль срока?

Речь сосен вкрадчива, тиха;
Крик чайки прозвенел над мысом;
Прибой скандует ритм стиха,
Что не записан.

16

И говорят, и пишут часто:
«Я смерти заглянул в глаза».
Что ж, тем, кто пишет, есть чем хвастать,
Но я одно хочу сказать:

Мне кажется, смерть одноглаза —
Будь это карцера глазок,
Будь цель избравший по приказу
Ствола ружейного зрачок.

Я видел этот глаз воочью...
И нынче давит грудь тоска,
Когда нет-нет да вспомнишь ночью
Вдруг холод стали у виска.

17

...А я все думаю о ней:
Придет — смириться с этим надо.
А взгляд ее! Нет холодней,
Безжалостней и зорче взгляда!

Приметив, думает, должно:
«Пусть пишет, любит и ревнует,
По свету ездит — все равно
Моей косы он не минует!»

Да. Скосит, как ты ни перечь.
Все ж умереть бы на постели,
Как люди бы в могилу лечь,
Ведь не котенок в самом деле...

18

В Доме творчества — твори!
Ясно. Только просто ль?
Бес внушал мне: «Ты схитри,
Погуляешь вдосталь!»

Да и сам-то я не раз
Клялся: «Хватит! Крышка!
Поэтических колбас
Понабил с излишком!..»

Но за лацкан взявши вдруг,
Муза тихо: «Экий
Баловень ты все же, друг!
Знай, ты мой — навеки!

Бросишь милую, любя,
Дом уютный — тоже,
От меня ж, как от себя
Убежать не сможешь!»

19

...Не стерпел, не выдержал — запел...
Запевает песню, плача...

Из чувашских народных песен

Да, видать, не стерпел, не сумел удержаться.
Смех и слезы в единой укладке хранятся.

Вышивала ль чувашка, ткала ль — напевала,
С песней пряжу пряла и холсты отбивала.

Агадуй¹ — запевали, бывало, и парни.
С песней рекрут к дороге готовился дальней.

С песней мед наливался, шумело застолье,
С грозной песней шагали на ратное поле.

Человек родился — песня к небу летела,
Человек умирал — песня с нами скорбела.

Мысль одна меня мучит: с построчною платой
Не спозналась ли песня с большою утратой?

Ведь поэзия, став ремеслом понемногу,
В каждый дом не нашла еще нынче дорогу.

Как покончим с деньгами — меня помяните! —
Стих заблещет у нас, словно солнце в зените.

Вот предлог стихотворцам иным посмеяться.
Что ж, видать, не стерпел я, не смог удержаться.

20

О крылышко мое! Родная!
Как нежен, ласков наш язык!
Опять тоскую без тебя я.
Твой образ в памяти возник,
О крылышко мое! Родная!

¹ Агадуй — праздник (чув.).

Как нежен, ласков наш язык!
Я слышу звуки милой речи:
То ль в руки гусли взял старик,
То ль это ласточка щебечет?
Как нежен, ласков наш язык!

Опять тоскую без тебя я!
Сказал бы я, как в песне тут:
«Возьми полсердца, дорогая!»
Но, вынув сердце, не живут...
Опять тоскую без тебя я!

Твой образ в памяти возник.
Ну как мне полюбить другую,
Коль не забыть мне ни на миг
Тебя, все так же дорогую?
Твой образ в памяти возник...

О крылышко мое! Родная!
Мечта моя, как мотылек,
Кружится, крылья опаляя —
Ты жгла! И я, наверно, жег...
О крылышко мое! Родная!

21

Дай, Латвия, в последний раз
Взглянуть, как луг ты вешний стелешь.
Бумаге белой не поверишь
Всего, что здесь подметил глаз.

К тому ж, по правде говоря,
Не «бедкер» стихи поэта.

В них есть и местные приметы,
Но... гиды хлеб едят не зря.

Экзотикою бредит тот,
Кто не томим заветной мыслью.
Душевым миром с норку мышью
Кому ж бахвалиться расчет?

Ну, что ж, пускай их колесят.
Кому что сужено, не так ли?
Ведь есть и те, что в горской сакле
И в юрте с миром говорят...

Янтарный берег... Подышать
Хотелось мне морским озоном.
Но назло докторским резонам
Пришла поэзия опять.

Торопит сердце, чуя, что ль,
Как жизнь уходит миг за мигом,
Нижу слова я, как под игом,
Как в самой крепкой из неволь.

Средь трав, что блещут, словно ярь,
Под солнцем синего апреля,
Вдруг нанизал я ожерелье
В краю, где так любим янтарь.

К вам сердце нежности полно,
Зеленый берег и лагуны.
Я кончу путь, но кто-то юный
Продолжит путь, как быть должно.

И, может, тут встречая май,
Топча ль песок, бродя ль по лугу,
Он, что-то вспомнив, скажет другу:
«Вот здесь ходил наш Хузангай».

VIII

ОВИДИЮ НАЗОНУ

Констанца. Море. Черное с волнами
Выплескивает годы и века...
Какая даль, Овидий, между нами!
И все же мне судьба твоя близка.

Ты здесь закончил дни свои в опале.
Уже который век твердит молва.
Что за любовь сюда тебя сослали.
Тяжка расправа, но любовь права.

Любовь — свобода. Даже под запретом!
Свобода чувства, мысли, веры — в ней.
Диктатор Рима разве мог поэтам
Позволить быть шутов своих вольней?!

Но искрою в кремне он жил незримо,
Ниспроверженья дух в людских сердцах,
Чтоб вспыхнуть пламенем неугасимым
И новою звездой в ночи мерцать.

И слово отрицанья притчей, басней
К плебейам шло, хотя был путь тяжел.
А я с душой открытой, с мыслью ясной
Из стана утверждающих пришел.

Прислушиваясь к шумному прибою
И глядя на лицо с высоким лбом,
Овидий, я стою перед тобою
И думаю о жребии твоём.

Не найден прах. Затеряна могила:
На ссыльных тратить мрамор — не резон.
Что из того! История хранила
В стихах твое бессмертие, Назон!

Гробницы сильных мира, саркофаги,
Гранит колонн, надменных статуй строй,
Короны, скипетры, гербы и флаги —
Все меркнет пред любой твоей строкой...

Своим призваньем одержимый, снова
Я чувствую душой и сердцем тут
Всю силу человеческого слова,
В какое мастер вкладывает труд.

...Прощай, Назон! Увидимся едва ли.
Путь новый ждет. Но в предрассветной мгле
Услышу вдруг я стук твоих сандалий —
И станет мне теплее на земле.

НАШ МИХАИЛ СЕСПЕЛЬ

Безмятежного звездного неба свечение
Видно в тихий полуночный час.
Метеор небеса озарил на мгновение —
Промелькнул и навеки угас.
Звезды будут светить в небе так же степенно,
Но тому, кто увидел болид,
Никогда не забыть этой вспышки мгновенной.
Так и Сеспель не будет забыт.

Словно встал на дыбы аргамак белогривый,
Устремилась на берег волна,
Но бесстрашный гребец не боится бурливой,
Режет грозную носом челна.
Воет бездна, а ветер гудит, устрашает:
«Не таких я губил смельчаков!»
Но гребец не сдается, весла не бросает.
И наш Сеспель всегда был таков.

✓ Пролетает орел над вершиной седою,
Зорко смотрит далеко вперед,
И пускай небо в тучах, грозящих бедою,
Он с пути своего не свернет.
Круг за кругом орел высоту набирает —
К солнцу! Выше гряды облаков!
Встречный ветер лишь силы ему прибавляет.
И наш Сеспель всегда был таков.
Он, как сказочный Данко, пылающий сердцем
Слову нашему путь осветил.
Верил он, что чуваш через темные сенцы
В мир широкий шагнет, полон сил.

В Интернационале увидеть успел он
Все народы связующий мост,
Тот, что поднял нас к небу, в простор
без предела.
Мысль чуваша возвысил до звезд.

Эй, вы, юные дети чувашского края.
Вы, кого Сеспель звал в выеоту,
Я с любовью и верой вас благословляю:
Режьте воздух крылом на лету!
Срок пришел: наш язык нынче крепче металла,
Так шлифуйте его в добрый час!
Ведь для нового мастера время настало.
Молодые, он где-то среди вас.

БЕРЕЗА ТУКАЯ

Простые люди из Тукай-Кырлая
Не так, конечно, были все просты.
Никто бы их не упрекнул, я знаю,
В отсутствии понятия красоты.

Душа народная всегда крылата,
Но многим — ох, как многим! — крылья их
Карга-судьба калечила когда-то,
И меркли краски, глохли песня, стих.

А красота сливалась здесь с природой,
Помощницей в труде была она...
Я подошел к березе, что народом
«Березою Тукая» названа.

Она уже стара. Гласит преданье,
Что посадил березу сам поэт.
Другие говорят, что им был дан ей
Какой-то важный, клятвенный обет.

А третьи повествуют, что под нею
Стихи свои писал он... Все темно.
От прошлого давно легендой веет,
Ну, а березе это все равно.

Портрет Тукая под стеклом и в раме
Висит на сморщенном ее стволе.
Здесь запросто живет он с земляками,
Что видят хлеб поэзии в земле.

**Я знаю в бронзе этого поэта,
Он мне в граните, в мраморе знаком.
Но больше тронула береза эта
Своим живым, всеобщим языком.**

ЧЕЛОВЕК С АЛЬПЕНШТОКОМ

Николаю Тихонову

Может грезил наяву я,
Может, было то во сне:
Брал я гору снеговую,
Что синела в вышине.

Шел я трудно, шел с Востока,
Далеко еще идти...
Человека с альпенштоком
Повстречал я на пути.

Он стоял и словно замер
И смотрел на небосвод
Удивленными глазами:
Перед ним пылал восход.

Человек тот не однажды
Утра ждал средь хмурых скал,
Но поныне в зорьке каждой
Что-то новое искал.

Мир вставал. Из дальней дали
Доносился легкий гул...
Блики солнца заиграли
В волосах и на снегу.

Там, в сверкающей теснине,
Твердый след его идет...
Повернулся он к вершине,
Улыбнулся и — вперед!

Сколько скал еще осталось?
А вершина — не одна...
С белизной снегов сливалась
Молодая седина.

ТУРЕНОК

Леониду Соболеву

В ущелье памятник поставлен:
Поэт Балкарии — Кязим.
С утра мы собираться стали,
Чтоб встретиться впервые с ним.

В ответ на гор гостеприимство
Мы — каждый от своей земли —
Как клятву, чувство побратимства
В сердцах открытых понесли.

Все в сборе: русский и балкарец,
Чуваш, татарин и калмык,
Бурят, мариец и аварец...
Вся Русь, всяк сущий в ней язык.

Вот памятник открыт. Приветом
И мудростью зажглось лицо.
Папаха, молот: был поэтом,
А век работал кузнецом.

Рукоплесканья, речи... Громко
В горах нам вторит эхо... Тут
Собрату русскому туренка —
Живого! — горцы подают.

Он связан, несмышлениш милый,
Пуглив и нежен... так хорош!
Копытцем шевелит — нет силы! —
Неужто угодит под нож?

Смущенно взял его писатель,
Растерянный, благодарит,
Взглянул ему в глаза, погладил
И вдруг с улыбкой говорит:

«Друзья! Кязим любил свободу...
Давайте в знак большой любви
К поэту и его народу
Отпустим пленника?.. Живи!»

И плавно поскакал туренок,
Все выше, выше в горы лез,
Пока от взглядов просветленных
Не скрыл его осенний лес.

А старый горец с легкой грустью,
Качая головой, сказал:
«Да, мудро сделал этот русский,
Как сердце горца он узнал?..»

По-русски изъясняясь слабо,
Припомнил старожил, как встарь
Отсюда — в кандалах — этапом
Гонял «крамольных» белый царь.

Заметил я: когда глядел он
В глаза чеченцев, ингушей,
Не только о царе о белом
Читал раздумья в их душе...

А горы жили. И туренок,
Быть может, тайною тропой,
Отцом иль дедом проторенной,
Уже спешил на водопой...

МИР ВАМ!

Северянин с сердцем южным,
Я приехал на Кавказ.
Понимаете, мне нужно...
Может быть, последний раз...

Не последний? Слава богу.
Быть по-вашему, друзья!
Ближе, дальше ли — в дорогу
Рад всегда пуститься я.

Есть у каждого народа
Свой особый конь мечты —
Символ смелости, свободы
И сердечной чистоты.

В нем упорство и дерзанье,
Вдохновенья юный жар...
У грузин тот конь — Мерани,
У казахов он — Тулпар.

И у каждого, пожалуй,
Он на свой зовется лад.
А у нас тот конь бывалый —
Ветрокрылый Сильзюнат.

Так условимся мы с вами:
Сильзюнат — мой добрый конь.
Я скакал сюда лесами,
Что над Волгою-рекой.

Я скакал полями, степью...
И как будто напоказ,
Мне во всем великолепье
Открывается Кавказ.

Впереди Эльбрус двуглавый.
Предстает таким он вдруг:
Словно чокнулись бокалы
Великанов равных двух.

Звон раздался, и мгновенно,
Далеко кругом видна,
Навсегда застыла пена
Искрометного вина.

КОВШ ЛЮБВИ

Расулу Гамзатову

Гость петь не станет, коль молчит хозяин.
Таков обычай древний у чуваш.
Я, ковш любви и дружбы поднимая,
Спою тебе, кунак далекий наш¹.

По горным ты вершинам и по склонам
К нам шел, Расул, собрат мой дорогой.
Добро пожаловать! Холстом беленым
Пусть стелются дороги пред тобой.

Здесь Волга величаво смотрит в вечность
Пытливыми глазами праболгар.
Войди! Край хмеля рад тебе сердечно,
Стихов чувашских ты почувствуй жар.

Рог не один я на Кавказе выпил,
У нас же ходит мед вокруг стола
В ковше резном из корневища липы —
Здоровье дагестанского орла!

В моем краю звон гусель и сырная,
В твоем — зурне, комузу не смолкать.
Друг другу, наши песни напевая,
Еще немало можем мы сказать.

Пусть песни льются, пенятся пусть чаши,
Здесь каждый дом тебя как друга ждет.
Войди, Расул! Жить вечно дружбе нашей,
Когда поэт поэту руку жмет!

¹ Стихотворение опубликовано в виде предисловия к чувашскому изданию «Лирики» Р. Гамзатова.

СЕМЕНУ ДАНИЛОВУ

Якутский мой собрат и друг!
Я вспомнил о тебе на юге.
Сверкает Ялты полукруг,
А там, у вас, быть может, вьюги.

И может, где-то в этот час
С ружьем ты бродишь и с собакой.
Стреляешь, а стихов алмаз
Гранишь и на ходу, однако.

Судьба поэта нелегка:
Своим призваньем одержимы.
Ни в лес зеленый, ни в снега
Уж от него не убежим мы.

Поэт — судья и наших дней,
И будущего, и былого.
Сокровищ всех земных вечней
Граненное поэтом слово.

Таким я чувствую тебя:
Среди суровой ты природы,
Одним дыша, одно любя.
Творишь бессмертие народа.

Тебе всегда я сердцем рад.
В стихах, среди друзей встречая.
Люблю, как на старинный лад
Поешь ты песнь родного края.

К виску прижмешь ладонь свою,
И зазвенит твой голос чистый.
Так, видно, пели и поют
Сказители в снегах лучистых.

Мне чудятся в напеве том
Пути нелегкого движенья
И дым костров в краю пустом,
Народа самоутвержденье.

О, эта жажда — быть всегда
Самим собой, навеки, прочно!
Какая дальняя звезда
Звала людей в тот край полночный?

Я понимаю их мечты,
О многом говорят те песни.
Но больше говоришь мне ты,
Как революции ровесник.

МУСЕ ДЖАЛИЛЮ

Откуда эта сила и огонь
В его как будто слабом теле?

М. Джалиль

И откуда взялась эта сила?
Я ведь помню тебя, дорогой!
Значит весь Татарстан, вся Россия
Были всюду, как совесть, с тобой.

В день последний ты вспомнил Тычину,
Значит, в сердце жила и она —
Вся истерзанная Украина,
Что великой семьей спасена.

А Тычина, седея от горя,
Видел каждый наш шаг боевой,
И набатом с уральских предгорий
Прозвучал голос сердца его.

В дни, когда с надругательством грубым
Враг в Европе народы сметал,
Украинец башкиру стал другом,
И язык он его изучал.

Не узнал ты, Муса, что Тычина,
Сын славян, внук и правнук славян,
Вслед за словом родным «батькивщина»
Написал по-башкирски «ватан».

И в твоём языке это слово,
Величавей которого нет:

**Мать-Отчизна! Ей снова и снова
Присягал верным сыном поэт...**

**А когда ты писал о ромашке,
Покрасневшей от крови бойца,
Может, кровь потекла по рубашке
У Болгарии новой певца.**

**Да, Никола Вапцаров в июле
Года сорок второго казнен.
Гордо встав
и не кланяясь пуле,
Коммунистом, как ты, умер он.**

**А за час или два до расстрела,
Напряжен,
как взведенный курок,
С верой чистой в бессмертие дела
Написал он еще восемь строк.**

**Ничего друг о друге не зная,
В унисон бились ваши сердца,
И поэзии сила взрывная
Клокотала в душе до конца.**

**Так, поэты двадцатого века,
На правез и на дыбу мы шли,
Веря в высшую цель Человека —
Мир и братство народов Земли.**

**С нами новая муза шагала —
В гимнастерке, в больших сапогах —
И последние строки шептала,
Презирая безволие, страх.**

**Вдруг слова превращались в гранаты —
И на воздух взлетал каземат...
В сердце мира вошел навсегда ты,
Мой ровесник, мой друг, мой собрат!**

ФЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКА

Плачь, муза, плачь...

А. Пушкин

Как хотел бы я в тебя взглядеться!
Не увидеться нам никогда...
Но живешь ты, живешь в моем сердце,
Не сотрут ясный образ года.

Твой народ, окрыленный свободой,
Воскресит тебя в песнях не раз.
Капля каждая крови народной
Превратится в бесценный алмаз.

Твой призыв через горы нам слышен,
Здесь не счесть побратимов твоих.
Окровавленным знаменем — выше
Подыму я последний твой стих...

Муза, плачь! Видеть больно и горько,
Как истерзан певец молодой.
Плачь и к мести зови ты за Лорку,
Непокорную песню запой.

Ты увидела слезы ребенка,
Матерей ты слышала плач.
Рядом с нами бездушно и громко
Хохотал инквизитор-палач.

Обещаны девушки, вдовы,
И к отмщенью взывает весь край...

**Муза, голосом Лорки живого
Ты народ на борьбу поднимай!**

**Жив поэт! Пусть под гнетом Гренада,
Все равно ее песня слышна.
Память родины — лучшей наградой,
Долговечнее бронзы она.**

**Как хотел бы в тебя я взглядеться,
Молвить слово один на один...
Но живешь ты, живешь в моем сердце,
Песнетворец, солдат, гражданин.**

Звезды падают беззвучно,
Посмотри и помолчи.
Нет: «Моя звезда на небе!» —
Слышу часто я в ночи.

Возглас радостный, знакомый
С детства сердце мне бодрит.
Кто, когда воскликнул первым,
Что звезда его горит?

Одинокий путник в поле
Или раненый солдат
В светлый жребий свой поверил,
Наблюдая звездопад?

Был ли то старик почтенный,
Молодица ль то была, —
Все равно: душа поэта
Этот возглас родила.

Знать, большой любовью к жизни
И горячею мечтой
Билось сердце человека
Под высокою звездой.

Что бы в мире ни случилось,
Но в такой народ всегда
До конца я буду верить:
Пусть горит его звезда!

ПУШКИН

Как часто в дни, когда я дома
С самим собой наедине, —
Не с книжной полки пыльным томом, —
Живым приходит он ко мне!

Горят каштановые пряди
И синеватые белки.
Порыв и мудрость в ясном взгляде.
Движенья быстры и легки.

И эти пальцы... я впервые
Как будто ощущаю их:
Они горячие, сухие —
Рождается в горенье стих!

С годами мне слышнее этот
Могучий голос всех страстей,
С тревогой в нем ищу ответа
Мечте мятущейся моей...

В Отчизне ко всему причастен,
Храня ее красу и честь,
Я думаю: какое счастье,
Что у России Пушкин есть!

IX

Стихи мои! Все, что угодно, —
Не пережить бы только вас.
Пусть ваш напор волной свободной
Обдаст меня и в смертный час.

Не потому, что я когда-то
С наивным вызовом юнца
Поверил в «яркую заплату
На ветхом рубище певца».

Не потому, что, к сожалению,
Я — ваш поденщик, вы — мой хлеб:
Вернувшись пахарем в селенье,
Я вновь отдаться мог земле б.

Не потому... Не в том вопрос-то,
Что пашни нет, а есть тетрадь:
Без строк моих бессонных просто
Мне нечем было бы дышать!

Я все также зимою и летом
Езжу: мне без людей одиноко.
Среди странствий по белому свету
В сердце строки коплю я до срока.

Длинен, краток ли путь — не прибавить.
Зорче будь, и ты станешь богаче,
Только надо в душе переплавить
Все, что видишь вокруг, — не иначе!

Жить спешу я в трудах и заботах,
А народ говорит: «Все едино,
Хоть спешу, остается работы
На три дня даже после кончины...»

О чуваш мой! Готов он трудиться,
Словно вол — пока ног не протянет...
Знать, в пути суждено мне свалиться
Иль она за машинкой застанет.

Какой-то римлянин давным-давно
На чьем-то надмогильном камне высек:
«Здесь, если и торопишься, постой!»
Тысячелетия строку не стерли,
И нынче я задумался над ней.
Мне, торопящемуся вместе с веком,
Пришло на ум, что, может, надо все же
Для передышки приостановиться,
Подумав, кое-что принять в расчет,
В огне, что человечество зажгло,
Одну заметить искорку — свою...
«Здесь, если и торопишься, постой...»

Один из нас переживет другого.
 Не зря, наверно, в поздний час ночной
 Ко мне пришло, стучится это слово:
 Оно — завет, на всякий случай, мой...

Не надо плакать, рук ломать не надо:
 Земное — в землю, и всему свой срок.
 Я дуб любил. И был бы мне отрадой
 Тобой возвращенный надо мной дубок.

Пусть, поднимаясь медленно, упорно,
 Мой трудный путь напомнит он тебе.
 Настанет день твой — неизбежный, скорбный,
 Тогда дубок ты предоставь судьбе.

Быть может, тот, уже забытый, желудь
 Даст жизнь несметным семьям желудей.
 И зашумит под мощной кроной молодь
 В лад песне ветра, грома и дождей.

Потомкам будет невдомек, пожалуй,
 Что, из орешков дуба выжав сок,
 Чернила сделал для себя я, малый,
 Чтоб написать десяток первых строк.

О чем был стих — забылось. Но боренье
 Каких-то сил отчетливо вполне.
 Смотрел я долго на свое «творенье» —
 И сладостно и жутко было мне.

Не потому ли в счастье и в тревоге
То дерево я помнил много лет?..
Да, дуб — начало и конец дороги.
Пусть будет так. Исполни мой завет.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово о поэте М. Ильбека	5
------------------------------------	---

I

Дуб над Волгой. <i>Перевод автора</i>	11
Чуваши. <i>Перевод автора</i>	12
Род. <i>Перевод А. Казакова</i>	13
Семь ялов. <i>Перевод А. Казакова</i>	15
Сиктерме. <i>Перевод автора</i>	17
Вяз	19
Родной язык. <i>Перевод автора</i>	21
«Смотрю я вновь на землю, где родился...» <i>Перевод Ф. Фоломина</i>	22
«Нет! Никогда не примирюсь...» <i>Перевод автора</i>	29
Шубашкар. <i>Перевод автора</i>	30
Были мы, и есть, и будем! <i>Перевод А. Казакова</i>	31
Глаз Волги. <i>Перевод В. Потаповой</i>	33
Мы — россияне. <i>Перевод автора</i>	34
Счастье свободного труда. <i>Перевод автора</i>	35
Здравствуй, Пушкин! <i>Перевод автора</i>	39
Весеннее. <i>Перевод автора</i>	45
Портрет моей матери. <i>Перевод автора</i>	47
Родная Волга. <i>Перевод А. Казакова</i>	55
Четыре березы. <i>Перевод Н. Криванчикова</i>	62

II

Я живу в России. <i>Перевод М. Рудермана</i>	65
Журавли. <i>Перевод автора</i>	66

Смерть рядового. <i>Перевод автора</i>	68
Алый шарф. <i>Перевод автора</i>	69
Женщине. <i>Перевод автора</i>	71
«Дожди, дожди...». <i>Перевод автора</i>	72
«Тогда с курлыканьем печальным...» <i>Перевод автора</i>	73
«Может, месяц, может, больше...» <i>Перевод М. Светлова</i>	74
«Грезит ночь...» <i>Перевод автора</i>	76
Побратимство. <i>Перевод автора</i>	77
Амись. <i>Перевод автора</i>	79
«Стучи, работай, дятел-друг!...» <i>Перевод автора</i>	81
В бессонную ночь. <i>Перевод А. Казакова</i>	82
Раны поэта. <i>Перевод автора</i>	85
Здравствуй, Киев! <i>Перевод автора</i>	87
«Война вошла мне в кровь и плоть...» <i>Перевод автора</i>	88
Тревога. <i>Перевод автора</i>	89

III

Песни Тилли. <i>Переводы А. Казакова</i>	93
«Росли мы дружно, чтя свою родню...»	94
«Я просыпаюсь дома на заре...»	96
«Не развязать ли мне, ребята...»	97
«Что разумеют, говоря «мегель»...»	99
«Четыре дома — в них по милой...»	100
«Вдоль села иду я стежкой...»	102
«Отца с могучим львом сравню...»	103
«Перед воротами поклон...»	105
«Немятым беленьким платком...»	106
«Эй вы, трубакуры, голь...»	108
«В оглоблях конь мой норовистый...»	109
«Все пой да пой, вы просите меня...»	110
«Сто семьдесят, слышь, лип свалил я...»	111

«Нагрев светец, тускнеет уголек...»	113
«Радушные сердца — что мурава...»	114
«Раньше сам за образец я слыл...»	115
«По лугу ручей журча бежит...»	116
«Ай-гай, шумит осенний лес, шумит...»	117
«Сыграть бы мне на скрипке, да боюсь...»	118
«Я в лес помчался на лихом коньке...»	119
«Куда ступить ногой, не знаешь...»	120
«Коль на пчельник забрели...»	121
«Есть птица у меня ручная...»	123
«Зашел я в караулку, в сени...»	125
«Барышники, гляжу, коней сбывают...»	126
«Мои мечтанья с трубочным дымком...»	127
«Летит косяк гусей над большаком...»	128
«Из корня вишни трубку сделал я...»	129
«И ты стареешь, мой Сарбай...»	130
«Зеркальце имел я небольшое...»	133
«Секрет бессмертия мне не был дан...»	135
«Кудесники мне жизни не продлят...»	136
«На скрипочке четыре лишь струны...»	137
«Когда навек глаза закрою...»	138
«Для гроба дуб я распилил на доски...»	139
«Родился я, сжав пальцы в кулаки...»	140
«Природа — я все больше в это верю...»	141
«Меркнет взор. Пришел мой час последний...»	142

IV

Век. <i>Перевод автора</i>	145
Ивча. <i>Перевод А. Казакова</i>	146
Маме. <i>Перевод А. Казакова</i>	148
Из цикла «Южные мотивы»	
К морю. <i>Перевод А. Казакова</i>	150
«О волны! Мне ль вас не любить...» <i>Перевод А. Казакова</i>	150
«О, если бы из тины быта...» <i>Перевод А. Казакова</i>	152

«Как Сеспеля прозрачный стих...»	
<i>Перевод А. Казакова</i>	152
«Вернуться бы теперь в деревню...»	
<i>Перевод А. Казакова</i>	153
«Так вот когда черным-черно...»	
<i>Перевод А. Казакова</i>	154
«Спокойна погода иль бури размах...»	
<i>Перевод автора</i>	155
«На горизонте белая зарница...»	
<i>Перевод М. Рудермана</i>	157
Сухум. <i>Перевод А. Казакова</i>	158
«Ветер, ветер... мочи нет...» <i>Перевод автора</i> .	161
«Ненастье...» <i>Перевод М. Шехтера</i>	162
Метель. <i>Перевод А. Казакова</i>	163
В поле. <i>Перевод А. Казакова</i>	165
Кот. <i>Перевод А. Казакова</i>	166
У проруби. <i>Перевод А. Казакова</i>	167
Чайки. <i>Перевод автора</i>	168
«Тигушь-тигушь!» <i>Перевод автора</i>	169
В лесу. <i>Перевод А. Казакова</i>	170
Тридцать первая весна.	
<i>Перевод П. Дружинина</i>	171
«В те дни, как талая вода...»	
<i>Перевод А. Казакова</i>	173
«Дождь прошел, стал мягким мох...»	
<i>Перевод автора</i>	174
«В бору свежо и тихо...» <i>Перевод автора</i> . . .	175
«Над зеленым озером огни...»	
<i>Перевод автора</i>	176

V

Лунянка. <i>Перевод автора</i>	179
Свершилось! <i>Перевод автора</i>	182
Легендарные дни. <i>Перевод автора</i>	
1. Жар-птицей летите!	187

2. Четыре дня, четыре ночи...	188
3. Мать космонавта	188
4. Колыбельная Елене	189

VI

Здравствуй, старая родня! <i>Перевод автора</i>	193
Благе Димитровой. <i>Перевод автора</i>	197
Венок Георгию Димитрову. <i>Перевод автора</i>	199
Никола Вапцаров. <i>Перевод автора</i>	201
В Созополе. <i>Перевод автора</i>	203
«За моря, за горы...» <i>Перевод автора</i>	205
«Гроза в Балканах...» <i>Перевод автора</i>	207
«В предгорьях Стара-Планины так глухо...» <i>Перевод автора</i>	208
«Не надо карточки показывать...» <i>Перевод автора</i>	209
«Я ждал в твоих письмах намека...» <i>Перевод автора</i>	210

VII

Вздыбленные волны. <i>Переводы А. Казакова</i>	
1. «Перекликаюсь в поднебесье, гуси...»	213
2. «Во многих странах подаю я голос...»	214
3. «Хочу я встретить смерть свою на Волге...»	216
4. «Строчит мой друг обеими руками...»	216
5. «Все пристальней гляжу на окоем...»	217
6. «Покоя не ищущу...»	217
7. «Вздыхает море...»	218
8. «Проверен лад, смычок подкручен...»	219
9. «В руках кормилица-соха...»	219
10. «Давно я не был здесь...»	220
11. «Нимене! Нимене!»	221
12. «Смотрю я в глубину времен...»	223

13. «От волны со звездой...»	224
14. «Дни мчатся, волчком нас крутя...» . . .	225
15. «Любуюсь я погожим днем...»	226
16. «И говорят, и пишут часто...»	227
17. «...А я все думаю о ней...»	227
18. «В Доме творчества — твори!..»	228
19. «Да, видать не стерпел, не сумел удержаться...»	228
20. «О крылышко мое! Родная!..»	229
21. «Дай, Латвия, в последний раз...» . . .	230

VIII

Овидию Назону. <i>Перевод автора</i>	235
Наш Михаил Сеспель. <i>Перевод А. Казакова</i> .	237
Береза Тукая. <i>Перевод автора</i>	239
Человек с альпенштоком. <i>Перевод автора</i> .	241
Туренок. <i>Перевод автора</i>	243
Мир вам! <i>Перевод автора</i>	245
Ковш любви. <i>Перевод автора</i>	247
Семену Данилову. <i>Перевод автора</i>	248
Мусе Джалилю. <i>Перевод автора</i>	250
Федерико Гарсиа Лорка. <i>Перевод автора</i> . . .	253
«Звезды падают беззвучно...» <i>Перевод автора</i>	255
Пушкин. <i>Перевод автора</i>	256

IX

«Стихи мои, все что угодно!» <i>Перевод автора</i>	259
«Я все так же зимою и летом...» <i>Перевод А. Казакова</i>	260
«Какой-то римлянин давным-давно...» <i>Перевод А. Казакова</i>	261
«Один из нас переживет другого...» <i>Перевод автора</i>	262

Педер Хузангай
(Петр Петрович Хузангай)

СУДЬБА
Стихи и поэма

Редактор Л. Дубаев
Художник В. Толстоногов
Художественный редактор Б. Шляпугин
Технический редактор Е. Румянцева
Корректоры
О. Голева, Н. Попикова

Сдано в набор 1/VIII 1974 г. Подписано к печати 1/X-1974 г. А06976. Формат изд. 70×90¹/₃₂. Бумага офсетная. Печ. л. 8,5. Усл. печ. л. 9,95. Уч.-изд. л. 7,8. Тираж 10 000 экз. Заказ № 5649. Цена книги в ледерине 1 р. 06 к., в балакроне 98 коп. Цена пластинки 15 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР.

121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4.

Фабрика офсетной печати управления издательств, полиграфии и книжной торговли.
Волгоград, ул. КИМ, 6.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Просим Вас отзывы о книге, ее содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении направлять по адресу:

*121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4
Издательство «Современник»*

